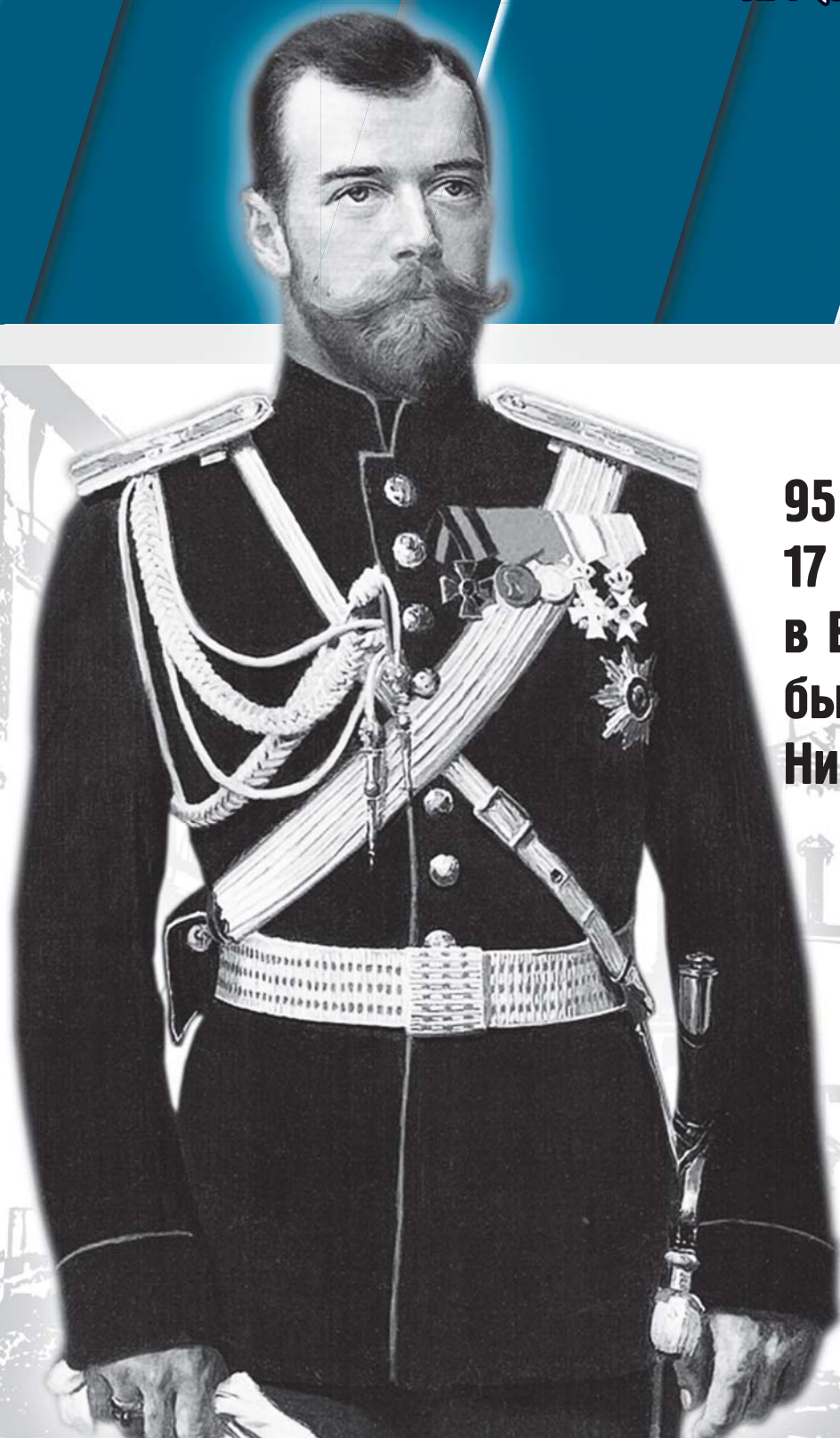

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

№ 7 (69), июль 2013 г.

**95 лет назад,
17 июля 1918 года,
в Екатеринбурге
был убит Император
Николай II.**

**Отрывок из книги
Татьяны Мироновой
«Кто управляет Россией»
читайте на с. 3.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти **святого преподобного**
Серафима Саровского чудотворца

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил
еси, блаженне, и Тому Единому
работати пламенно вожделев,
непрестанною молитвою и
трудом в пустыни подвизался
еси, умиленным же сердцем
любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия
Матере явился еси. Сего
ради вопием ти: спасай нас
молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана».

Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

Июль 2013 года

№ 7 (69)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*

Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*

Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*

В.Г. СЕРКОВ, *г. Сочи,*

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*

В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*

И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*

В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*

Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*

В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*

Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*

Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*

В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*

В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Отечество

«Были и небыли о царствовании Николая II». **Татьяна МИРОНОВА** 3

Путеводитель

«Обращение в Интерпол». **Руслана ЛЯШЕВА** 6

Поэзия

Три стихотворения. **Николай БЕРЕЗОВСКИЙ** 10

Дни славянской письменности

«Культура – это мы сами». **Наталья МАТЯШ** 11

Поэзия

«А навстречу бежит волна». **Виктор КРАСАВИН** 12

Проза

«Тише, Миша». **Лидия СЫЧЕВА** 14

Маэстро

«Михаил Иванович Царев». **Евгений ВЕСНИК** 16

Проза

«Незнакомец в купе». **Евгений ВАЛЬС** 19

Проза

«Призрак с жезлом». **Геннадий БОГДАНОВ** 20

Поэзия

«Мне не хватает светлого тепла». **Кселена ЛИТВИНОВА** 22

Событие

«Новое издание легендарной "Блокадной книги"». **Василий САМОТОХИН** 24

Эхо прошлого века

«Белая гвардия». **Евгений БАРДАНОВ** 27

Проза

«Таёжные были». **Виктор ДЕБЕЛОВ** 30

Свет памяти

«Подарок Небес». **Александра ПОЗДНЯКОВА** 33

Проза

«Уртай». **Евгений ЛЕБКОВ** 37

Путевые заметки

«Испанские зарисовки». **Сергей НАЗАРЕНКО** 38

Дорогие друзья!

Редакция «Литературного меридиана» приглашает вас оформить подписной абонемент на второе полугодие 2013 года. Подробные условия – на последней странице в каждом номере.

Кроме того, просим вас обратить пристальное внимание на требования к присылаемым произведениям, также опубликованным на с. 39. Просьба вместе с произведениями присылать качественное фото и краткую биографическую справку (и первое, и второе – в электронном виде) по адресу электронной почты: Lm-red@mail.ru.

Не секрет, что наше издание выпускается на пожертвования. Приглашайте ваших друзей, знакомых, коллег стать подписчиками «Литературного меридиана».

Были и небыли о царствовании Николая II: кому нужна мистификация истории

Татьяна МИРОНОВА

Татьяна Леонидовна – русский филолог, специалист по исследованию старославянских и древнерусских письменных памятников, эксперт-источниковед, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения Российской государственной библиотеки (РГБ), доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Международной Славянской Академии (МСА). Автор ряда научных монографий, учебников, научно-популярных книг. Член Союза писателей России.

От редакции. Предлагаем вниманию читателей главу из книги Татьяны Мироновой «Кто управляет Россией?» (М.: Алгоритм, 2010.).

В 2000 году Государь император Николай Александрович, его семья и претерпевшие с ним до конца его слуги были канонизированы русской православной Церковью, и христиане, молившиеся им келейно, служившие со стесненным сердцем им панихиды, готовились радостно исповедать их святость в соборных службах и молебнах. Но удивительное затишье почитания святых Царственных мучеников возникло в церковном обществе. Смолкли покаянные панихиды по злодейски убиенным Царю и Царице, по их безвинно умученным детям, но так и не стало слышно ни служб, ни молебнов, редко поются торжественные акафисты, словно канонизацией остудили пыл горячих почитателей Государя: раз просите – дадим вам страстотерпцев, а далее – испуганное замалчивание.

Что же остановило еще недавно вздымавший Россию неустрашимый покаянный вал народного почитания Царственных святых, молитвенного стояния перед их чудотворными мироточивыми иконами, победного порухения в сердцах и умах столетие внушаемой неприязни и ненависти к Царю? Может, двоедушные члены синода, таких, как митрополит Нижегородский Николай. Проголосовав за канонизацию, они не постыдились заявить о неправомерности канонизации Царской семьи, а иные, как митрополит Ювеналий, сразу после принятого синодом решения о канонизации, развели руками перед миллионами телезрителей: «Фигура Царя политически сложная, вопросов много, но... чудеса, но... мироточивая икона...» или, может быть, московскую патриархию устрасила Антидиффамационная лига, сразу после канонизации Царя опубликовавшая заявление, которое вернее назвать ультиматумом, настолько явственны были в нем угрозы: «Антидиффамационная лига выражает надежду, что решение русской православной церкви о канонизации Николая II и членов его семьи будет способствовать развенчанию бытующего среди определенной части верующих и священнослужителей антисемитского мифа о ритуальном характере убийства царской семьи. Для еврейской общины не может пройти незамеченным тот факт, что в процессе изучения возможности канонизации последнего императора комиссия РПЦ сняла с повестки дня вопрос о ритуальном убийстве. АДЛ полагает, что, сделав этот шаг, церковь выразила свое отношение к длящимся не одно десятилетие спекуляциям по поводу «иудейского следа» екатеринбургской трагедии 1918 года. Сам факт трагической кончины царской семьи, широко

Цесаревич Николай Александрович
с матерью, Цесаревной Марией Феодоровной.
(Предположительно 1871 г.)

Цесаревич Александр Александрович, Цесаревна Мария
Феодоровна, Цесаревич Николай Александрович, Великий
Князь Георгий, Великая Княжна Ксения. 1877 г.

Цесаревич Николай Александрович.
(Предположительно 1890 г.)

Святые Царственные Мученики: Николай, Александра,
Алексей, Мария, Ольга, Татьяна, Анастасия.

обсуждаемый в последние годы, *не должен заслонять реальной исторической фигуры и поступков царя и его окружения, в том числе и их неприкрытый антисемитизм.* Нам хочется верить, что решение о канонизации Николая II, принятое на основании факта его смерти, *не будет истолковано православной общественностью как одобрение руководством церкви всех особенностей жизненного пути и личности монарха.* Очень важно, чтобы решение о канонизации *в том виде, в каком оно было принято Собором,* стало известно самому широкому кругу мирян и священнослужителей...» («Международная еврейская газета». – 2000, № 30 (311).

Почему вдруг иудеи, потомки, единоверцы, единоплеменники тех, кто ритуально, жестоко, мученически истребил правящую Россией династию, удовлетворены решением Русской Православной Церкви о прославлении тех, чья кровь на еврейских руках, и почему они считают нужным подчеркнуть, что удовлетворены не просто решением о канонизации, а именно в том виде, в каком оно было принято собором, да при этом считают важным (важным для себя!), чтобы особенность принятого решения была растолкована самому широкому кругу православных мирян и священнослужителей. Что же такого сокрытого, не сразу очевидного даже священнослужителям может быть в решении собора о канонизации Царской семьи?

Иудеи удовлетворены тем, что Царская семья Романовых возведена в сонм *страстотерпцев*, не мучеников, обратите внимание, а именно *страстотерпцев*. В чем разница? Чин мученика есть подвиг смерти за Христа от рук иноверных. Страстотерпцами признаются те, кто принял мучение от своих, единоверных христиан. По страстотерпческому чину канонизации получается, что Государь с семьей умучены своими же единоверными христианами. Вот если бы Архиерейский собор признал очевидное, что Царь умучен до смерти иноверцами, иудеями-богоборцами, тогда бы он был не страстотерпцем, а великомучеником. Вот чем удовлетворены евреи, вот что они имеют в виду, когда предъявляют московской патриархии ультиматум: «очень важно, чтобы решение о канонизации *в том виде, в каком оно было принято Собором,* стало известно самому широкому кругу мирян и священнослужителей».

За всю тысячелетнюю историю христианства в России немногие святые прославлены в чине страстотерпцев. «Исторически страстотерпцами именуются святые, принявшие мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев» (*Русские святые.* – М., 2001, с.14). Среди них святые Борис и Глеб, убиенные слугами своего брата-христианина Святополка, святые отроки Иаков и Иоанн менюжские из Новгорода, убитые разбойниками из христиан... Государя с семьей прославили в чине страстотерпцев, обособив их от сонма новомучеников – митрополита Владимира, митрополита Серафима, митрополита Петра, алапаевских мучеников и многих, многих других. Выходит, Царскую семью

убивали свои православные христиане, а остальных страдальцев за Веру и Христа убивали чужие – иноверцы и безбожники? или Государь умер не за Христа? Да что гадать, притворяться незнающими, когда очевидно, что надо было угодить иудеям, отвести от них страшную вину в убийстве помазанника Божьего – русского православного Царя, заставить нас забыть об этом их злодейском преступлении. Не случайно же правительственная комиссия во главе с Немцовым, решавшая судьбу останков, обнаруженных на окраине Екатеринбурга, отказалась рассматривать вопрос *о ритуальном убийстве Царской семьи,* и по этой же причине торопилась захоронить чьи-то останки, выдавая их за Царские, игнорируя все сомнения о принадлежности их царствующим Романовым, решив, что чем скорее уйдут в могилу екатеринбургские останки, тем быстрее вместе с ними уйдут и все разговоры о ритуальном убийстве Царской семьи. Не случайно же еврейская Антидиффамационная лига выражает надежду, что решение русской православной церкви о канонизации Николая II и членов его семьи, *в том виде, в каком оно было принято Собором,* будет способствовать *развенчанию* бытующего среди определенной части верующих и священнослужителей *антисемитского мифа о ритуальном характере убийства Царской семьи.* Но если это так, то прославление Царской семьи в том чине, какой принят Архиерейским собором, есть хула на святых Царственных мучеников и злонамеренное искажение их подвига во славу Христа Бога.

Вот и екатеринбургские останки выдали за царские, как хотели, и как хотели торопливо захоронили их, и даже канонизированы Царственные мученики не по чину их подвига, чего же врагам Государя все неймется? Почему злобные клеветы на святого Иоанна Кронштадтского смолкли тотчас по его канонизации, все же опасное это дело – кидать грязью в святых, а здесь визгливый лай газет со ссылками на «многочисленные источники», свидетельствующие о Государе как о «бесхребетном, переменчивом, несмелом монархе», становится все яростнее, все злее, издаются «обнаруженные» вдруг мемуары, появляются все новые якобы свидетельства, и все это не исторической правды ради, а лишь для того, чтобы продолжать чернить святой образ, уничтожать святость дорогого для нас имени, преуменьшать число верных Царю людей. Да потому что верность святому Государю, по слову преподобного Серафима Саровского, есть залог освобождения России от почти уже столетия длящегося ига, «агарянского и ляшского злейшего». Вот эти слова: «Когда правая за Государя стоявшая сторона получит победу и переловит всех изменников, и предаст их в руки правосудия, тогда уж никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят – и вот тут-то еще более прежнего крови прольется, но эта кровь будет последняя, очистительная кровь, ибо после этого Господь благословит люди своя миром...» (письмо Мотовилова императору Николаю I // Серафимово послушание. – М., 1996).

Обращение в Интерпол

Руслана ЛЯШЕВА

Руслана Петровна родилась в 1943 году в г. Петропавловске (Казахстан). Окончила факультет журналистики МГУ и аспирантуру Литературного института. Автор книг «Без лапши», «Актуальность старого», «Достоевский и Сартр», «Точка бифуркации», «Кентавр на берегу вселенной» и др. Активно выступает с критическими исследованиями в центральной периодике. Кандидат филологических наук. Член Общественного совета «Литературного меридиана». Живёт в Москве.

Помогите найти литературный процесс

В голове обзор журналов обдуман, зафиксировать бы на бумаге – и порядок! Бери чистый лист и шпарь направо, дескать Шарль де Голль мечтал о сплоченной и единой Европе от Атлантики до Урала. Мечты, мечты! Десятилетия минули, а воз и ныне там. Европа вроде объединилась (ЕС); гляди, как бы вновь не развалилась; лидер каждой страны тянет одеяло на себя, на свою страну, а другому предлагает умерить аппетит на счет суверенитета. Не поймешь-не разберешь, о чем хлопочут!

Зато в русской литературе мечта де Голля, считай, воплотилась в жизнь. От Праги до Владивостока выходят русские журналы. В Чехии – «Правда» (главный редактор Сергей Левицкий), во Владивостоке – «Сихотэ-Алинь» (главный редактор Владимир Тыцких), неподалеку, в г. Арсеньеве – «Литературный меридиан» (главред Владимир Костылев), а на пространстве между Владивостоком и Прагой существует множество региональных изданий, например, «Бийский вестник», «Огни Кузбасса» и другие. «Правда» и «Литературный меридиан» расположены на разных материках (Европа и Азия), но в одном обладают удивительным сходством – их никто не финансирует! А кто будет напрягаться? Беденькая Россия совсем обнищала, обглоданная олигархами. Эти журналы держатся только на Божьем Промысле и энтузиазме своих издателей и авторов. Какие молодцы! Щедрее олигархов. Значит, у русской литературы есть еще порох в пороховницах.

Такое монументальное соображение отпечаталось у меня в извилинах. Я была не прочь поспорить с Владимиром Гусевым, заявившем в газете «Московский литератор» (№ 13, 2013), что «журналы, по ряду причин, о которых много раз говорилось, потеряли свою ведущую роль в литературном процессе и верой вообще неизвестно зачем существуют». В самом деле, пропажа немалая: «...Нормального литературного процесса у нас так и нет». Одно решение остается: журналы держатся, не исчезают, их не финансируют, а они – настырные! – живут себе да живут. Зачем?! Читатель-простак почешет «репу» и буркнет, ну-у, дескать, для сохранения критерия в литературе. Чтоб по гамбургскому, так сказать, счету, а не для публикации раскрученных гениев, или как их там звать да величать – этих любимцев богов и коммерческих издательств?

А что? Может, в самом деле устами младенца (т.е. простака) глаголет истина: для критерия качества. Чтоб было, значит, различие между серьезной литературой и многотиражной попсой. Как Лев Толстой говорил по аналогичному случаю, надо, дескать, напоминать о добре, иначе исчезнет различие между добром и злом, останется сплошное зло.

Короче, выходят – значит нужны! Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно! Вот только кому именно нужно?

Кому нужны журналы?

Ответ подсказали три публикации, посвященные пишущей братией себе любимым и ближайшему окружению.

Повесть «Небожители подвала» художника и прозаика Леонида Сергеева напечатана в журнале «Московский вестник» (№ 6, 2012), это стиль нон-фикшн, то есть документальное повествование. Так оно

и есть – персонажи не выдуманы, взяты с натуры наблюдательным художником. Многие из этих завсегдаев буфета в подвале ЦДЛ знакомы мне по их произведениям («Брызги шампанского» Виктора Пронина), как критику, или по личному знакомству в Московской городской организации СП России, или, наконец, как автору этого журнала (прозаик Виктор Крамаренко, поэт Владимир Артюх). Даже два моих однокурсника по журфаку МГУ затесались в веселую тусовку пересмешников – поэт Вадим Рахманов и прозаик Игорь Штокман. Читать интересно, как бы бросая взгляд на подноготную писательской жизни. У художника Сергеева удачно сочетаются наблюдательность, ум и юмор, поэтому каждый характер упакован в рассказ с небанальным сюжетом. Поэт и прозаик (и тоже художник) Николай Сербовеликов как то зазывал меня к ним присоединиться, мы столкнулись возле буфетной раздачи, но я спешила на просмотр в Большом зале ЦДЛ прекрасного фильма «Дом» и не смогла воспользоваться приглашением. Это круг писателей Владимира Гусева, Владимира Силкина, Владимира Бояринова, Ивана Голубничего и др. – словом, круг писателей МГО СП России. Причисленных к этому направлению в литературе называют «почвенниками», патриотами. По-моему, просто русские.

Вторая публикация – Галины Климовой «Юрская глина», Путеводитель по семейному альбому

в снах, стихах и прозе («Дружба народов», № 2, 2013).

Философ Петр Калитин в рецензии на «Небожителей подвала» («Exlibris» от 11 апреля 2013 г.) определил стиль автора Л. Сергеева как экзистенциально-поведенческий, я бы прокомментировала термин словами попроще, дескать, повествование цементирует изображение мужской дружбы писателей одного направления. Мне даже при чтении вспомнился фильм В. Бортко «Тарас Бульба» – чем-то подвальные сидельцы смахивают на запорожцев, хотя и отличаются в то же время. Сечевики, как известно, под страхом смерти не имели права приводить в казачью республику женщин. Нынешние наоборот, охотно приглашают за пиршественным столом в подвальном буфете особ прекрасного пола; не возбраняется, скорее даже поощряется для романтического воодушевления.

В «Юрской глине» у Галины Климовой все в точности до наоборот, сюжет документального повествования поначалу раскручивается вокруг издания антологии женской поэзии «Московская муза». Семен Липкин попытался, но безуспешно возразить: «Антология, говорите? Это хорошо, но почему женская? Что за разделение полов? Как в бане. А кто составит антологию мужской поэзии? Что-то я ничего не слышал о мужской поэзии...»

Составитель сборника осталась непреклонна, что это будут поэты, поэтки и поэтессы, «даже если они дальше третьего ряда, откуда-то с литературной «камчатки». Климова «с усердием рабочей пчелы» летала по Москве, подружилась с Тамарой Жирмунской, Ириной Волобуевой и Ольгой Чугай, а также с Инной Кашежевой, Риммой Казаковой, Инной Лиснянской и другими «музами». «Вскоре появились литературные приательства и привязанности».

И вот прямая переключка с «Небожителями подвала»: «Собирались в ЦДЛ, и сам собой возник литературный салон «Московская муза».

Салон в соответствии с суровой эпохой («Мы сурового времени дети...») сменился подвалом, эстафета из дамских рук (сто тридцать «стерв» по оценке Инны Кашежевой) перешла в крепкие мужские длани. На презентации антологии в ЦДРИ на Пушкинской Инна Кашежева, уже тяжело больная, добравшаяся с трудом на костылях, прилюдно поклонилась составительнице сборника за доброе дело, и зал ответил бурными аплодисментами. Это был триумф, обрадовалась Климова, что набухший было с появлением Кашежевой скандал разрядился во всеобщем ликовании.

Теперь – по прошествии немалых лет – ликование кажется чрезмерным. Вопрос Липкина был по делу: почему женская поэзия? Да потому, что в середине 1990-х годов еще свежи были в памяти у всех трагические события 1993-го года, да и скандальный «Метрополь» не успели забыть, вот и предложили Галине Климовой в «одном столичном издательстве» к юбилею Москвы – 850-летию – издать антологию женской поэзии «Московская муза», точно зная, что милые дамы, если и переругаются, то это дальше пословицы «милые бранятся, только тешатся» не пойдет. Так

и вышло! На презентации Инна Кошежева похулиганила, по слову ведущей Тамары Жирмунской, а зал откликнулся бурными аплодисментами. Ни баррикад возле Верховного Совета РФ, ни столпотворения на Болотной площади, ни даже угрожающих литературных манифестов, вроде футуристского в 20-х годах, дескать, сбросим Пушкина с парохода современности.

Более того, сообщение об издании «Московской музыки» в документальной повести Г. Климовой почти через два десятка лет не является главным сюжетным мотивом. Публикация в «Дружбе народов» (№ 2, 2013) – семейные мемуары члена редакционной коллегии журнала Галины Климовой, что выделяются уже названием «Юрская глина». Покойного мужа звали Юрием, и вот стихи

*Я – юрская глина,
я – мужа жена,
огнеупорна, обожжена...*

Стихам сопутствует автокомментарий: «Афродита вышла из пены морской, Ева – из ребра Адама, а я, наверное, из юрской глины, которая почти везде: это и вязкая грязь под ногами, и полное жизни дно древнего моря, и подручный материал для ваятеля. Все – книга жизни: о нас и обо мне времен моего юрского периода». Заканчивается сия семейная хроника поисками Тасеи, она – главный персонаж (или Климова?!) еврейских предков по линии отца: кантор в синагоге Харбина и другие.

Третья публикация о пишущей братии – «Жили поэты» Татьяны Полетаевой в журнале «Знамя» (№ 3, 2013) без особых затей поставлена под рубрикой «Мемуары», что вполне соответствует жанру воспоминаний о поэтах литературной группы «Московское время», гремевшей в Москве (в пределах Садового кольца) в 70-е годы XX века. Покойный муж Полетаевой – Александр Сопроводкий, автор предисловия Сергей Гандлевский, популярный ныне Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков и другие персонажи документального повествования показаны как бы изнутри группы, изнутри их дружбы, любви, приязни или неприязни, отчего даже без знакомства с пятью выпусками их самиздатской антологии «М.В.» воспринимаются «весомо, грубо, зримо», словом, как хорошие наши знакомые. Этому содействует мастерство автора. Думается, Сергей Гандлевский в предисловии не слишком завысил уровень Татьяны Полетаевой: «И саму Татьяну Полетаеву, и стихи ее, и песни я знаю давно, поскольку у нас с ней во многом общее прошлое. Если от понятной биографической приязни и попытаться дать самому себе отчет, чем таким нравятся мне стихи и песни Т. Полетаевой, я бы, пожалуй, помянул прежде всего очень естественное фольклорное начало... большинство авторов удовлетворяется воспроизведением фольклорной оснастки – народного словаря и прочей экзотики – не осваивая главного: отношения к жизни с позиций не индивидуального, а коллективного опыта. В повести «Жили поэты»... видятся признаки

подобного подхода – она безыскусна и здрава в фольклорном смысле слова».

Действительно, в повести Полетаевой есть обаяние искренности и сопричастности к народной среде (детство ее прошло в бараках старой Москвы), Саша Сопроводский был из интеллигентной семьи, но стихийностью своей поэтической натуры соответствовал ее характеру, поэтому их супружество было закономерно, материально неустроенное и счастливое.

Читать повесть «Жили поэты» интересно и просто необходимо тем, кто любит и изучает современную литературу.

Впрочем, ликовать тоже нет повода. Поэты существовали внутри группы и, так сказать, не высовывались особо. С парохода современности никого не сбрасывали.

К справедливому замечанию Владимира Гусева о том, что нет литературного процесса, невольно напрашивается после чтения трех перечисленных публикаций короткое добавление, дескать, пожалуй, его не было с 70-х годов, как и поныне.

Не «население», а народ

Главный редактор «Московской правды» Шод Мулажанов в номере от 8 февраля 2013 года высказался в рубрике «Позиция» без обиняков и, возможно, не догадываясь о том, расставил все точки над «i» в осмыслении «антологии» писательских хроник. Статья Ш. Мулажанова называлась «Небожители в законе». Дескать, эти «небожители в законе» и загнали «небожителей-писателей» вместе с буфетом в подвал ЦДЛ, где раньше бурно и буйно на всех этажах жила общественной жизнью пишущая братия Москвы и Союза. Отошла коту масленица, сочувствует публицист писателям, всё хапнули нувориши.

Позиционные баталии писателей с нуворишами идут «на фронте» ювенильной юстиции. Не все, кстати, воюют за правду-матку. Вот Юрий Буйда в повести «Яд и мед» живописно нарисовал атмосферу жизни в подмосковном доме Дмитрия Николаевича Осорьина, потомка русских аристократов. Летом в гостиной «часто собиралась большая шумная компания – писатели, музыканты, живописцы, актеры, молодые мужчины и женщины, фронтеры и диссиденты. Они говорили о Парижском мае и Пражской весне, о Солженицыне и сталинских лагерях, о «Бесах» и «Поэме без героя», о прошлом и будущем России». Дмитрий Осорьин принадлежал к старинному княжескому роду (упомянуты в летописях в 1255 году), был царским генералом, перешел на сторону большевиков, преподавал в Академии Генерального штаба РККА. Два его сына-офицера расстреляны в годы Большого террора, когда Осорьинных называли «бывшими», но после 1953 года (сняли портрет Сталина в гостиной) все чаще стали называть «всегдашними». Теперь в доме верховодит дочь покойного генерала Татьяна Дмитриевна, домашние зовут ее Тати...

Все очень мило и славно, только одна странность – здесь женятся на одних, любят других,

рожают от третьих. Убивают «приблудную» гостью. Тати взяла убийство на себя и отошла в мир иной добровольно.

Очень такой аристократизм древнего княжеского рода смахивает на атмосферу Серебряного века, как она воплотилась в спектакле Марка Розовского «Дело корнета Елагина» (по Ивану Бунину) в театре «У Никитских ворот». Это атмосфера вседозволенности и печальной безысходности.

Конечно-конечно, Юрий Буйда далеко ушел, то есть вернулся к нормам элементарной нравственности, за десять лет после публикации его романа «Город Палачей» («Знамя», № 2–3, 2003), где профессия проститутки подана как обычная в ряду портних, учительниц, медсестер и т.п. Роман возник, можно предположить, на волне подражания Габриелю Маркесу, создавшему настоящий эпический миф в превосходном романе «Сто лет одиночества». Тогда многие бросились подражать Маркесу, даже Валентин Распутин в «Прощании с Матерой» отдал дань всеобщему увлечению. К счастью, тогда отрезвляюще прозвучала реплика Вадима Кожинова, что «Сто лет одиночества» – это не столько достижение автора, сколько этап в развитии культуры Латинской Америки. Вот и Юрий Буйда в «Городе палачей» наворотил-наворотил персонажей, коллизий и т.п. Через десять лет я заново перелистала роман, но так и не поняла, почему Палачей? Каких Палачей? По отношению к кому? Кто в сюжете с кем взаимосвязан и каким образом – а уловить сквозь разгулявшуюся фантазию прозаика нет никакой возможности. В новой повести, слава Богу, нет соревнования с Габриэлем Маркесом и потуг на мифотворчество, все тут в смысле эстетики пристойненько и прозрачно: потомки аристократов не опустились, выжили в катаклизмах истории на приличном уровне культуры.

Всё же нет. Уровень занижен. Доказательство аргументу предоставляет роман Анатолия Рогова «Мой гений, мой ангел, мой друг» («Наш современник», № 3, 2013) о любви поэта Василия Жуковского к Маше Протасовой, браку которого воспротивилась мать Маши, на том основании, что Василий и Маша – кровные родственники (хотя седьмая вода на киселе); священник разрешил, а мать осталась против из опасения отступить от традиций и уронить честь рода. Вышла Маша за певца (врача и музыканта) Мейера и умерла во время родов. Так сильны были в XIX веке «сословные предрассудки» в аристократической среде русской знати.

Кто прав? Юрий Буйда или Анатолий Рогов? Словом, где аристократизм – в пренебрежении моралью или в строгом ее соблюдении? Позиция Буйды заставляет вспомнить анекдот о трех волосинках. Много это или мало? В супе – много, а на голове – мало. А позиция Рогова напоминает мне о случайном разговоре с незнакомой женщиной. Мы вышли из трамвая на одной остановке, и я указала ей на 64-ю больницу, куда она добиралась, чтобы навестить сына. Мы прошли несколько шагов рядом, она успела выплеснуть из души печаль. У сына инфаркт, живет

«гражданским браком» с женщиной, у которой ребенок от предыдущего «гражданского брака», то есть не мужа, а сожителя. «Сорок лет», – вздохнула горестно попутчица, ни жены, ни детей... Ну да, поняла я, мог бы от инфаркта и умереть, и пресекся бы их род. Кто-то специально мутит молодежь, – снова вздохнула, – исподволь разрушает традиции семьи и супружества.

Она совершенно права. Возможно, была права и мать Маши Протасовой. То, что веками устоялось и не поддавалось разрушению, делает «население» (слово режет слух) народом.

Где пропажа? Подскажите!

Теперь можно вернуться к тому, с чего статья началась. Почему нет литературного процесса? Маленькое уточнение. Нет в столичных журналах, но есть в региональных литературных изданиях, о чем поговорим обстоятельнее в наших следующих обзорах журналов «Провинция» (Ниžний Новгород), «Подъем» (Воронеж), «Золотая Ока» (Калуга), «Полдень» (Москва-Мытищи), «Провинция» (Петропавловск, Северный Казахстан), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Огни Кузбасса» (Кемерово) и, возможно, журналов других российских регионов и СНГ.

Все большие открытия, как известно, происходят случайно: упало яблоко с дерева на Ньютона, он открыл закон гравитации и т.д. и т.п.

Со мной приключилось то же самое, что и с Ньютоном. Я увидела на письменном столе три экземпляра непрочитанной «Советской России» (№ 39, № 42, № 43 за 2013 год), взяла и прочитала статью Геннадия Зюганова «Кризис в тени иллюзий», Галины Платовой «Премьер искал «консенсус», Отчетный день правительства в Госдуме, В.Р. Захарьина «Чужая цивилизация», за отчетом правительства следили и за стенами Госдумы. Меня будто яблоко с дерева по лбу ударило! Ведь нувориши (или олигархи!) захватили не только все этажи любимого ЦДЛ и загнали писателей в подвал, где буфет (еще бы без буфета, тогда вообще концы!), но также все ресурсы и промышленность, а ту, что еще не успели захватить, им вскорости позволят быстренько приватизировать (не хило!), да еще вместе с предприятиями отдадут деньги на развитие (кого развивать?). Может я чего не так в извилины упаковала? А народу-то что? Льготы пообещали опять же олигархам-сырьевикам, как премию что ли за скорость, с которой они гонят за бугор нефть, газ и валюту...

«А при чем тут литературный процесс?» – воскликнет простодушный читатель журналов или хотя бы газет. Так в том-то и дело, что литературный процесс тут совершенно ни при чем. Нет его! А был при чем, так бы и говорилось, что у нас в Москве есть литературный процесс.

Может, я не в ту степь забрела? Ау, дорогие читатели! Подскажите! Где можно найти литературный процесс?

На снимке: обелиск не вернувшимся с Великой Отечественной войны на закате дня в селе Уртам Кожевниковского района Томской области. Фото Татьяны Березовской.

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

Николай Васильевич родился в 1951 году на Сахалине. Работал в геологоразведке, на заводе, в газетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Уральский следопыт», «Сибирские огни» и др. Автор ряда книг прозы, стихов, публицистики и критики. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Омске.

Летопись Победы

Далёкое становится вдруг близким,
Когда по всей России

в майский день

На площади приносит к обелискам
Цветы народ градской и деревень.

Взнесённые на самом видном
месте,

Увенчанные красною звездой,
Они поклон наш сгинувшим

без вести

И павшим храбро на передовой

Великой битвы с врагом
коварным,

Забывшим, что злодействам
есть предел...

И стяг победный в зареве угарном
В итоге над Рейхстагом заалел.

О той поре напомнят каша
в мисках

И стопки водки с кухни полевой,
Чем миром всем теперь у обелисков
Мы поминаем забранных войной.

И на закате дня в по-майски
низких

И хлебный дождь копящих облаках
Пойму я вдруг, что в этих обелисках
Вся летопись Победы на века.

Бог дал – Бог взял

Талантлив – так это от Бога,
От Бога – в рубашке рождён.
Судьба – как прямая дорога, –
Всевышним судьбой награждён.

Дорога крива и в ухабах,
И слава с рожденья не ждёт,
И в стане не сильных, а слабых, –
То Бог испытания шлёт.

Я счастьем был мамы от Бога,
А мама от Бога мне – знал,
И Бог мне от первого слога
Нелёгкий, но путь указал.

И кажется, как ещё много
Даст Богом указанный путь...
Но всё, что дано мне от Бога,
Мне Богу придётся вернуть.

Любимой

Жизнь, конечно, сейчас одурелая,
Но, назло дуракам и врагам, –
Упади, как яблоко спелое,
К моим ногам...

Или, лучше, чтоб плоть
не тлением

И другие питала века,
Обернись вдруг стихотворением,
Ненаписанным мной пока.

Культура – это мы сами

Наталья МАТЯШ

Наталья Евгеньевна по образованию педагог, преподавала историю и литературу в средней школе № 10 и музыкальном училище города Находки Приморского края, является заслуженным работником культуры Российской Федерации. Автор книги рассказов для детей «День пришёл...». В настоящее время – библиотекарь МБУК «ВЦБС» филиала им. И.У. Басаргина (г. Владивосток).

...Эти строчки взяты из книги Владимира Тыцких «Засеки». Они как нельзя лучше определили предмет наших размышлений на встрече с семиклассниками 57-й школы г. Владивостока, посвящённой Дням славянской письменности и культуры.

Этот тихий и светлый праздник прошёл в стенах библиотеки им. И.У. Басаргина. Начался он с видеопрезентации «К истокам русского слова». Лейтмотивом стали строчки из стихотворения Николая Зиновьева:

*Где русские тихие песни?
Хотел бы их слышать. Вотще.
Крикун же заморский, хоть тресни,
Мне нужен, как волос в борще.
Где русские квасы и каши?
Где русский на избах венец?
Где русские женичины наши?
Где русская речь, наконец?*

«Во все времена, – говорит библиотекарь, – «великий и могучий» язык наш был спасением русской культуры, её надёжным оплотом. Как вы говорите, каков ваш словарный запас, насколько вы умеете чётко и ясно выражать свои мысли, настолько будет велик или ничтожно мал ваш личный вклад в развитие отечественной культуры».

Старшеклассникам было предложено посмотреть сценку из нашей жизни, названную «Как мы говорим», где доминировали такие слова, как «отстрелялся», «сдул», «лепил чепуху», «блин», «не могу врубиться», «закатила «трояк», «прикинь», «похилияли» и другие. А затем все обсудили увиденное и услышанное. Ребята стали возражать, что так, мол, привычнее и речь выразительная. Но когда посмотрели инсценировку из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» с Эллочкой Любоедкой, в исполнении Сергея Коваленко, Алисы Хованской, Ангелины Мандрыко, то поняли, что с таким набором слов мало чем от неё (Элочки) отличаемся.

Продолжился разговор о Днях славянской письменности и культуры рассмотрением иконы с изображением святых Кирилла и Мефодия, основателей славянской письменности, и памятников им во многих городах России, в том числе и во Владивостоке. Завершился обзор чтением Сергеем Козловым стихотворения «Кириллица», взятым из книги «От сердца к сердцу» (автор Э. Кочеткова):

*Вы словно взяты из природы,
Кириллицы святые знаки,
Струитесь, светитесь, как воды,
По белому листу бумаги.*

В заключение нашей встречи прошла презентация журнала «Литературный меридиан», который выходит с января 2008 года. Есения Евгеньевна Кобесова, преподаватель литературы школы № 57, познакомила нас со статьёй Владимира Тыцких «Сто экземпляров равнодушия, или делай, что должно», в которой автор, в свою очередь, обращает внимание читателей на книгу Русланы Ляшевой «Новые застольные беседы». Мы бурно обсудили острые наблюдения Русланы Петровны «О времени, в котором мы живём», «О русском человеке», «О библиотеках» и др.

С волнением и интересом прослушали рассказ Анны Петровой «Бабушкин свитер». Библиотека пообещала нам в новом учебном году провести конкурс на лучшую критическую заметку на это произведение.

Журнал «Литературный меридиан» хоть и небольшой по объёму, но ёмкий по содержанию. Здесь печатаются критические заметки, проза и поэзия, воспоминания об автопробегах, посвящённых Дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке, а также многое другое. Здесь каждый его читатель найдёт интересные для себя страницы.

А навстречу бежит волна

Руководитель литературного объединения «Дмитровские зори»,
член Союза писателей Москвы.
Живёт в г. Дмитрове.

Виктор КРАСАВИН

Владивосток

Призадумались сопки, задрал новостройки высоко.
Здесь Россия всегда начиналась с заглавной строки.
Перекрёсточки, улочки, лесенки Владивостока
От Москвы далеки, только русскому сердцу близки.

Здесь привычно швартуясь,
торопится рейсовый катер,
Тихо мачтой качает, о чём-то гуднёт иногда.
А за мысом крутым обозначен знакомый
фарватер,
По которому в дальние рейсы уходят суда.

Все бродяги морей у причалов – не для перекура,
А чтоб шов заварить или взять на дорогу воды.
Переменчива здесь корабельная архитектура,
Но приморские жители именно ею горды.

Город Владивосток! Сколько смелости
в радостном звуке!
Для владенья Востоком заботы его непросты.
Протянули друг другу два берега крепкие руки,
Словно в рукопожатьях
надёжно сомкнулись мосты.

Беспокойные ветры то с моря, то с запада дуют.
Успокоятся волны, взволнован народ от молвы –
Здесь тоскуют, смеются, работают и негодуют,
Но и любят Россию сильнее, чем в центре Москвы.

Город чудных заливов, волшебной, загадочной сини,
Понимающий бури и ласковый лепет волны,
Дивный Владивосток!
Он не мыслит себя без России,
Всей тревожной судьбой неотрывен
от судеб страны.

Нок*

Зашили словно моряка
В брезентовый мешок...
Но до сих пор грызёт тоска
По краткой кличке Нок.

Собаки не было добрей,
Чем наш дворовый пёс.
Не знал он, что такое рей,
Вахт ходовых не нёс.

Он не наматывал швартов,
Не встретил грозный вал,
Но кошку нашу от котов
Надёжно охранял.

На тьяканье горазд и смел,
И часто для красоты
Он делать «суслика» умел
За ломтик колбасы.

Большого дома верный страж
И в дождик, и в метель
Был по-собачьи предан
Наш
Очаровательный
Кобель.

Шептали мы ему: «Держись!»
А смерть была близка.
Не виноваты мы, что жизнь
Собачья коротка.

*) **Нок** – окончательность рангоута на мачте, в данном случае –
кликча дворового пса.

Не будем сожалеть

В исхоженных морях
мы знали курс и время.
Светили звёзды нам и верные огни.
А завершая путь, став с возрастом мудрее,
Оглянемся назад на прожитые дни.

Не будем сожалеть, что жить могли
иначе,
Вздыхая на восход, скучать на берегу.
Не всё нам удалось, но были и удачи.
И главное, что мы у моря не в долгу.

Заметим невзначай, что жизнь
 переменилась,
Печали вороша, вздыхая тяжело.
Не будем сожалеть о том,
 что не случилось
Того, что быть могло, но нам не повезло.

Посмотрим на закат у тихого залива –
За прожитую жизнь порукой наша честь.
А жизнь была всегда к тому
 несправедлива,
Кто думал от неё взять больше, чем он есть.

Женщина-капитан

– Рулевого на руль!
Нет, и не может быть лучшей коман-
ды, лучших звуков, лучшей музыки. Так
возвращаются к жизни.

А. Шетинина «На морях и за морями»

О чём мечталось? Что сбылось?
Что волновало вечерами?
Что виделось, пережилось
И на морях, и за морями?

И женщина, и капитан!
И кто бы эту связь представил?
Но терпеливо океан
Ждал исключения из правил.

Жизнь беспощадна и груба.
Не мысли о служебном росте,
А беспокойная судьба
Вела на капитанский мостик.

Прищур красивых умных глаз.
И трудные, морские мили.
Её и сердце, и компас
Надёжно к цели приводили.

Она не думала о том,
Что нет заботам новым счёта.
И выше мостика потом
Стал пьедестал её почёта.

Поэтическое волшебство

Дай мне лампу, Аладдин,
На один денёчек,
Написать поможет джин
Маленький стишочек.

Дай мне каплю волшебства,
Чтобы в самом деле
И замшелые слова
Вмиг помолодели.

Дай мне лампу, Аладдин!
Я потру, но всё же
Твой всеильный добрый джин
Вряд ли мне поможет.

Будут мёртвыми слова,
Ямбы и хореи,
Если каплю волшебства
Не найду в себе я.

* * *

Школа. Маленький вокзал.
Море. Ветер. Поиск галса...
Я на горы не влезал,
Я под воду погружался.

В этом не было беды,
Ибо даже в день воскресный
Было мне из-под воды
Видеть небо интересно.

И не всё, а лишь овал
В голубом пространстве люка.
Ветер песни распевал,
Чтобы качка стала мукой.

Наблюдая свысока,
С разрисованного неба,
Всё старались облака
Заглянуть во мрак отсека.

Им в лазурной вышине
И понять-то невозможно,
Что без неба в глубине
И спокойно, и тревожно.

Сорокадевятисенняя

Вы приходите в воскресенье
Вся восторженностью полны
Сорокадевятиосенняя
Представительница весны.

Симпатичная,
романтическая,
Вы на каждом своём шагу
Верность женскую
возвеличивая,
Появились на берегу.

Чуть растрёпаны
Ваши локоны –
Ветерок наозорничал.
Златокудрая, синеокая,
Обеднел бы без Вас причал.

Вы устали, но всё скучаете.
А навстречу бежит волна...
Вы кого-то опять встречаете,
И уходите вновь одна.

Сорокадевятиосенняя,
Море – Вашей души приют.
Чувства Ваши,
всегда весенние,
Успокоиться не дают.

Тише, Миша!

Лидия СЫЧЕВА

Лидия Андреевна родилась в 1966 году в с. Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. После окончания школы училась на историческом факультете Воронежского пединститута. Работала преподавателем, журналистом. В 1995 году поступила на заочное отделение Литературного института. В 1998 году дебютировала с рассказами в «Новом мире». Активно выступает в периодике как литературный критик. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор интернет-журнала «Молоко» («Молодое око»). Живёт в Москве.

Вот мы говорим: «Чечня! Чечня!» А дома – не Чечня?! Это ж поглядеть, как они тут живут – у каждого по три жены. И всё тихо-мирно, никакого шума. Так, баба какая восстанет, и всё.

Взять Кашина, Мишку. На ком он только не женился, и к кому он только не приставал! К некоторым – по два раза. То есть уже второй круг стал давать. А ничего в нем выдающегося, если присмотреться, нету. Щупленький, на личико унылый. Пьет сильно. Правда, разговорчивый и ворует здорово.

А воруют они тут все – беспощадно. Кольку Крылова выгнали с нефтебазы, он устроился к хозяину на бензовоз. Бензин воровал, продавал, и на это пили. Лягут в топольках – он, Ванька Разумный, Телкин – и пошло дело. Люди огорды сажают, а они по кустам прячутся. Теперь че-то Кольки не видать – небось, хозяин выгнал. Оно ж надоедает, это воровство.

Да, а Мишка – тракторист, кинет в кузов мешок зеленки, или муки, или семечек, или доску какую – всё, что под руку попадется – и ко двору. Уже, конечно, в колхозе, хоть в АО, так не украдешь, как раньше, но всё-таки. И этот мешок или доску Мишка или пропьет, или подъедет с ними к свободной бабе. И любая примет, потому что у всех хозяйство, а чем кормить?! А тут мужик с трактором, добытчик.

Вот так Мишка кувырчался, кувырчался, а потом задержался на одном месте аж на год с лишним. Вроде, говорят, познакомился он с Надей на базаре или в магазине «Универсаме», лапши на уши навешал до плеч, так и поженились законно. А че, девка молодая, какие у ней мысли? Хоть умные люди и говорили ей: «Не ходи! Не ходи!» А она в одну душу: «Я Мишу люблю». Как будто другие, те, что советовали, никогда не любили. К любви голову бы надо прилагать, а не только другие части тела...

Жалко её, конечно, Надю-то. Девка неплохая, работающая. И на вид ничего, светленькая. А может, оно и лучше, что она замуж вышла, то хоть дитё у неё есть; а то б впала в бесстыдство, вон, в районе ходят по рынку, увлекают торгашей, сиськи вывалили. Хотя теперь и детная баба до такого может дойти. При нашей жизни – запросто.

Да, а Мишка Кашин, он попервах, женившись, очумел что ли: и пить придерживался, и всё домой, домой... А потом, когда Надя уж дитё ждала, опять закуролесил, закрутил. Раскусил семейную жизнь. Свободы никакой, одни обязанности. Свободы нету, а любви-то у Мишки никогда и не было. А поживи так в четырех стенах, да каждый день одно и то же! Семья, почитай, расширенный монастырь. Мишка воспротивился – запил, загулял. Надя родила, Мишка ей специально стал нерву мотать, мол, дитё не моё. Надя, дура, всё терпела (а жили они в кухнёнке, Надины родители им купили). Мишка, видит, что пронять её ничем нельзя, завел трактор, кинул фуфайку в кабину и уехал. С чем пришел, с тем, как говорится, и ушел.

А новая кандидатура была у него давно намечена – Варька Дубова. Ну, старше она Мишки, так не в годах дело, а в умениях. А Варька столько пережила и перевидала, что скрутить какого-то Мишку ей в порядке вещей. Девоч своих она замуж отдала, справила, хозяйство у ней – три быка да пять поросят (не считая птицы всяких видов), сама она доярка – много ли на горбу или на велосипеде унесешь?! А тут Мишка с трактором. Бабы Варькиному счастью завидовали:

- Варь, че ты его берешь, он же на пятнадцать годов моложе...
- Алка Пугачева с Киркоровым живут, а мне нельзя?
- Варь, ды Мишка ж пьёт...
- Да пусть пьёт! Я и сама выпить люблю!

Женщина она видная, привлекательная, зубов вставных спереди нету, и вообще, в силе. Жизнь показала, что не любовь Мишке нужна была, а руководство. А Варька, много пережившая и перетерпевшая, она не только Мишкой могла руководить, но и какой-нибудь республикой – Чечней там, или Ингушетией. Она много раз на ферме хвасталась: «Дали б

Фото Ольги ЛЕВАСОВОЙ, г. Владивосток.

мне войско, верите, в две недели б война кончилась!»

И бабы верили – Мишку-то она скрутила! Ну, выпьет он на стороне, ну, может, подгуляет – а тянет-то всё в Варькин двор. И у быков чистит, и у свиней. Варька пообещала Мишке, как сдадут мясо, справить ему зимнюю куртку кожаную, сапоги.

Но тут снова возникла Надя. Всё за счастье своё билась. Схватила она дитя на руки, нарядила его, прибегла на машинный двор. Мишку перестрела. Раз перестрела, и два. Сначала говорила: вертайся, потом видит – дела не будет, стала требовать алименты. А какие алименты, если они неразведенные? А хоть и разведенные – зарплату то жомом дают, то комбикормом. Алименты – ведро жома! Мишка Наде примирительно сказал: «Расстанемся друзьями», – это он в кино, что ли, каком видал. Ну, она и ушла.

Но всё ж Мишка Надю не знал. Не знал! Че-то в ней как завелось, как заработало, как пошла Надя вразнос! Прокралась на ферму (без дитя), подкараулила Варьку (а как раз пересменка была, народу много), да как понесла её! И «проститутка», и «шалава», и «страхолюдина», и «тряпка подзаборная», и «кикимора», и «Баба Яга!» Насколько Варька человек опытный, а тут даже поначалу опешила – вот тебе и тихая Надя! Потом, конечно, она опомнилась – стала части от доильного аппарата в Надю кидать – промахнулась. Но – поздно, Надя-то её облаяла!

А людям, че людям любой скандал – и новость, и радость. Языками чешут неделю, две, пока все кости досконально не переберут. Варька прям аж расстроилась. Надела сарафан лавсановый, косынку, и поехала на центральный участок, к председателю Гусакову. Мол, так и так, обороните моё честное имя.

Гусакова, нового преда, из района прислали. Он, как прибыл, сразу собрал народ и говорит: «Здравствуй-те, честны люди! Давайте наш колхоз переименовывать,

а то на нас долгу много. Переименуемся, так всё и спишут». Ну, и проголосовали, как ему надо, а народ его сразу зауважал – во, голова! Толстый такой Гусаков, крепкий.

Варька нажалилась на Надю, Гусаков вызвал Кашина в кабинет. Стол дубовый, лакированный, флаг РФ в углу трехцветный, на столе портрет Путина в рамке, прям не пред, а губернатор или депутат какой. На что Мишка – бестия, и то сробел. Штаны на нем замаслены, рубашонка, кепка в руке. А тут Гусаков – вымытый, вычищенный. «Садитесь, – говорит ласково, – рассказывайте».

Мишка и рассказал – в минуту вся жизнь уложилась. А че рассказывать-то?! Стыдно даже.

А Гусаков говорит отечески:

– Я, Кашин, три раза женат и у всех жен от меня дети. И никто не скандалит, на обзывается. Цивилизованные отношения. Я, Кашин, всех обеспечиваю. Как настоящий мужчина. Ясно?

Ну, Мишка и пошел. Шел, думал, что заплачет, – удержался. Вишь, говорит, всех баб обеспечивает. Всем хорошо... Завел Мишка трактор и поехал к бабе Мане самогонки купить. А сам уже выпивши был, а расстроенный... Страсть! Пришел и говорит:

– Теть Мань! Вот вы – человек ученый, работали звеньевой, что мне делать? Он меня оскорбил! Опишите всё на бумагу частному адвокату, буду с ним судиться!

А она:

– Ой, Мишк, тут если всё за эти десять лет описывать, кто сколько украл, так никакой бумаги не хватит. На каждый год по тому – целую Библию можно собрать. Ты уж, Миш, молчи, перетопчись как-нибудь, перетерпи. Выпей – вот у меня дымка свеженькая, оно и полегчает. Тише, Миш, тише, ты не расстраивайся!

Так-то вот, ребята! Такая у нас нынче чечетка. А вы говорите: «Чечня, Чечня...»

Михаил Иванович Царев

Евгений ВЕСНИК

Евгений Яковлевич родился 15 января 1923 года. Народный артист СССР, сыгравший десятки ролей в театре, кино и на радио – «12 стульев», «Золотой телёнок», «Ревизор», «Швейк», «История одного города». Автор книг «Абракадабры», «Записки артиста», «Триптихи с ремарками» и других. Входил в Общественный совет «Литературного меридиана». Умер 10 апреля 2009 года.

В средневековом городе Шартре строился знаменитый собор. У трех строителей, возивших тяжелые тачки с камнями, спросили, что они делают. Один ответил, что возит тяжелые тачки, другой – что зарабатывает себе на хлеб, третий сказал, что строит самый красивый в мире собор.

Вот такие же разные мнения бывают при оценке того или иного человека, а уж артиста – тем более.

Кто-то видел в Михаиле Ивановиче Цареве человека доброго, кто-то – злого; кто-то считал его красавцем, а кто-то – нет.

Кто-то упивался его голосом, а кому-то он был неприятен; некоторые принимали его за отзывчивого, сердечного человека, а некоторые – за замкнутого сухаря. Как общественного деятеля его то поносили последними словами, то возносили до небес. Были такие, кто считал, что он занимается саморекламой, а другие – что он был чрезвычайно скромным. Многие считали его блистательным артистом, но не меньшее количество театралов относились к его способностям иронично. Одним он делал добро, к другим же был равнодушен, но был способен и приглушить, запретить, осмеять, принизить. В разных ситуациях он проявлял совершенно противоположные качества: мог быть простым, доступным, мог быть барином, мог быть шумным в застолье, но и, если это было нужно, молчаливым дипломатом.

Одним словом, был он человеком, сложенным из противоречий, а люди выбирали те, которые нужны им были или для защиты его, или для нападения на него. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Но не могу не согласиться с тем, что был Михаил Иванович человеком ярким, личностным. Когда же затрагивали проблему наличия или отсутствия юмора в этом редко и как-то отрывисто-скрипуче смеявшемся человеке, я, отбрасывая все нюансы наших прохладных взаимоотношений, становился и сейчас остаюсь его защитником, защитником человека, обладавшего своеобразным и большим чувством юмора. Я часто говорил о том, что напрасно Михаил Иванович Царев не попробовал себя в комедийных ролях, даже таких, как Фальстаф и Мальволио. Я убежден, это имело бы большой успех. А исполнение им в острохарактерном ключе роли Вожака «Оптимистической трагедии» укрепило мое глубокое убеждение в том, что Царев – неиспользованный комедийный артист!

Есть примеры неожиданных, парадоксальных актерских проявлений. Академичный Яхонтов очень смешно читал Зощенко. Маленького роста, с постоянным румянчиком на лице замечательный артист МХАТа Владимир Васильевич Грибко убедительнейшим образом читал в концертах отрывки из гоголевского «Тараса Бульбы». А клоун Юрий Никулин – артист ведь трагикомический! Попадись ему соответствующий драматургический материал – наверняка стал бы первым трагическим, так как у нас нет ни первого, ни второго, ни десятого.

Итак, многоликий, парадоксальный, наделенный большим чувством юмора Михаил Царев.

«Штатная доносчица». Михаил Иванович, от артиста пахнет водкой!

Царев. А может быть, коньяком?

«Штатная доносчица». Может быть.

Царев. У меня к вам просьба: в следующий раз, «если обнаружите

Фото Владимира КОСТЫЛЕВА, г. Арсеньев.

что-либо подобное, узнавайте поточнее; что ваш объект пил.

«Штатный блюститель порядка». Михаил Иванович, сейчас только десять утра, а наши сапожники уже под мухой!

Царев. Дорогой мой, а если бы вы были сапожником, под чем же еще находились бы вы к десяти утра?

После этих диалогов невольно вспоминаешь слова Алексея Денисовича Дикого: «Если театр начинает искать пьющих – это значит, что театру больше нечего искать».

Михаила Ивановича очень трудно было рассмешить. Почти пределом его оценки чего-либо смешного были слова «ничего», «смешно» или «забавно». Но, если он все же начинал скрипеть своим особым, по-царевски эмоциональным смехом, значит, высоко оценил юмор, и уж тут никаких слов не нужно было!

Общее собрание театра. Михаил Иванович – в президиуме. На трибуне – очень часто выступающий по любому поводу артист:

– Вот, скажем, артист Х. Позволяет себе приходить на спектакль и играть, так сказать, не в форме. Ведь видно, что он пригубил и закусил солидно шашлычком. Красный, потный... А ведь, товарищи, не забывайте, что наш зритель иной раз с трудом накопит денег на билет, ведь он стоит два с полтиной.

– Вы хотели что-то сказать? – спрашивает выступающий у меня, поднявшего руку.

– Да, хочу. (Я знал, что артист Х. был гипертоником, болен диабетом, скрывал это и никоим образом о «пригубить» речи быть не могло.) Вот вы всегда играете не пригубив, не закусив, не красный и не потный. Как вы думаете, ваша игра стоит два с полтиной?

После собрания председатель президиума рассказал мне, что сидевший рядом с ним Царев после моей реплики чуть-чуть нагнулся к нему и шепотом спокойно сказал: «Нокаут!»:

Диалог после этого собрания:

– Ну-с, Евгений Яковлевич, во сколько же вы оцениваете мои выступления в спектаклях?

– Скажу вам совершенно искренне. С возрастом вы делаетесь все более дорогим.

– Спасибо! Вы приятный покупатель! – был ответ.

Я был искренен в своем ответе. С возрастом и пришедшим опытом Михаил Иванович уходил все дальше и дальше от укоренившихся штампов ампула героя-любовника, да ещё с элементами искусственного пафоса. Он становился актером все более глубоким и скупым на средства выражения, проявлявшим большое мастерство в наивысшем назначении актерского творчества – перевоплощении. Царев всю свою творческую жизнь увлекался художественным словом – выступал с чтецкими программами, и тем, кто слушал его, наглядно была видна его эволюция, его рост и в этой области актерского проявления. В чтении общеизвестных классических

произведений появились неожиданные интонации, акценты, трактовки – очень глубокие и интересные, делавшие его мастерство все более и более высоко-го класса.

Жаль, что с возрастом не пришло к нему повышенное чувство меры, ибо чрезмерная творческая жадность, желание как можно больше быть на виду при-тупляли самоконтроль и позволяли появиться на свет наряду с отличными ролями работам, не украшав-шим на старости лет его большой послужной список. Мне кажется, более умеренная общественная работа на разных должностях, почетных и реальных, помо-гла бы Михаилу Ивановичу стать еще более весомой фигурой на артистическом поприще. Это мое сугубо личное мнение.

Закончились гастроли Малого театра в Алма-Ате. Прощальный банкет. Мне необходима резолюция Ми-хаила Ивановича, улетающего в Москву рано утром, разрешающая взять с собой трехлетнего сынишку в Дом творчества «Щелыково». На банкет не пошел. Дождался его окончания. Царев увидел меня с заявле-нием в руке.

– Вы что, объявили бойкот банкетам?

– Нет, мне нужна ваша резолюция, а после застолья как-то неловко обращаться с такой просьбой. – И объ-ясняю суть дела.

– Голубчик! Я с трезвыми о «Щелыково» не разго-вариваю!

– Что же делать, Михаил Иванович?

– Возьмите с собой коньяк и – ко мне в номер. Че-рез три часа улетаю.

Сижу в его номере гостиницы. Михаил Иванович читает стихи, собирает чемодан, показывает подарки и покупки. Понемногу пригубливаем коньяк. Я слегка хмелею. Уже утро. Дежурная сообщает: «Михаил Ива-нович! Машина за вами прибыла!»

– Михаил Иванович, – чуть заплетающимся язы-ком обращаюсь к Цареву, – а как же с ребеночком? В «Щелыково», а?

– А я и с охмелевшими о «Щелыково» не разгова-риваю! – скрипуче закудахтал он. – Давайте заявле-ние!

Я протянул бумажечку, он поставил на ней крат-кую резолюцию и провел синим карандашом стрелку в сторону фамилии директора Дома творчества. И все! Улетел. Что значила стрелка – загадка! Решили с же-ной ехать: не разрешат отдыхать с ребенком – снимем комнатку рядом в деревне.

Приехали. Директор увидел синенькую стрелочку и без слов распорядился предоставить нам гостевой двухкомнатный номер «люкс»...

Я был одним из немногих, кому удавалось рассме-шить народного артиста СССР Михаила Ивановича Царева, и, очевидно, поэтому он охотно шел со мной на диалог в любых обстоятельствах...

Я. Михаль Иванович (когда-то кто-то из сотрудни-ков театра именно так обращался к Цареву и я взял себе это буквозвучание на вооружение, так как оно

безошибочно облекало предстоящий диалог в юмор, иронию), а ведь несправедливо Бог организовал эво-люцию человеческой жизни...

Царев. Вы, друг мой, хотите сказать, что не соглас-ны с Богом? Поделитесь...

Я. Вот напрасно человек появляется на свет махонь-ким комочком, потом взрослеет, слабеет, старится и уходит...

Царев. Что бы сделали вы на месте Бога? Очень ин-тересно...

Я. Я сделал бы так, чтобы человек появлялся на свет дряхлым стариком, молодец бы, молодец, превращал-ся в ребеночка и кончал бы свою жизнь в утробе ма-тери...

Царев. Вариант благородный, но зачем вам тратить себя на Богу неугодный процесс развития?

Я. Вы представляете себе, какая молодая была бы сейчас труппа Малого театра?!!

Царев заскрипел своим отрывистым, с частыми придыханиями, только одному ему присущим сме-хом...

Царев. Ах, шутник, шутник... Если учесть, что око-ло тридцати народных артистов имеют за плеча-ми шлейф в 75 и более лет, и я в том числе, то будет не молодая труппа Малого театра, а просто школьный драмкружок... для начальных классов! Ах, мой друг, все это смешно, но и печально... Скоро мы все уйдем... Ваше поколение возьмет в руки театр...

Я. Михаль Иванович, я раньше уйду...

Царев. Почему, мой друг? Не пугайте меня...

Я. Да потому, что вы воспитаны на хорошем удоб-рении, на чистой воде, а я... на политзанятиях!

Царев. Нет-нет, вы не умрете... Я вас на политзая-ниях за 25 лет ни разу не видел!

В заключение два маленьких эпизода.

После большого успеха премьерного спектакля «Го-спода Головлевы» с Виталием Дорониным в главной роли Иудушки Михаил Иванович тихонько сказал мне, постановщику спектакля: «Эх, вы! Не могли мне предложить эту роль!» Я промолчал, но был удивлен его неожиданной реакцией на успех спектакля.

К моему 60-летию Михаил Иванович разрешил на основной сцене в честь юбилея спектакль с моим участием и широкую его рекламу в городе с моим пор-третом. Подобным подарком ни один из актеров мое-го поколения, насколько хватает памяти, не одаривал-ся!

Я был снова удивлен, но теперь уже его вниманием ко мне, тем более что взаимоотношения наши были, повторяю, прохладными. Но именно такие взаимоот-ношения, мне кажется, могли быть объяснением его щедрости в мой адрес. Одним словом, сложный, зага-дочный человек!

Должен признаться, когда я глядел на Михаила Ива-новича или общался с ним, мною всегда овладевало какое-то странное чувство. Мне казалось, что вот-вот он снимет с лица маску и предо мной предстанет дру-гой, неожиданный, и, главное, да простит меня Все-вышний, более симпатичный мне человек!

Незнакомец в купе

Евгений ВАЛЬС

Евгений Владимирович родился в 1976 году в Омске. Закончил Омский государственный педагогический университет. Публиковался в газете «Мальчишки и девчонки», журналах «Водолей», «Преодоление», альманахах «Трёхколёсный велосипед», «Серебряный город 2010». Автор книг «Зеркальные сказки», «Сказки живут рядом», «Ялиоль и сфергамы Таласа». Живёт в городе Омске.

Скорый пассажирский поезд «Тюмень-Омск» следовал привычным расписанием, вонзаясь в снежную бурю. Привычно покачивались вагоны, шуршали двери купе, непривычным казался лишь тихий плач, заглушаемый динамичным ритмом колёс. Кто-то из пассажиров слишком резко высказал своё недовольство обслуживанием и даже толкнул молоденькую проводницу по фамилии Малахольская, попытавшуюся что-то возразить. Ссутулившись, женщина поспешила укрыться от посторонних глаз в своём крохотном купе, но едва она отпустила ручку двери, которая по инерции должна была закрыться, как в оставшуюся щель кто-то выставил ногу. Обернувшись, проводница увидела невысокого человека с каким-то загадочно сияющим взглядом. Незнакомец, не замечая её слёз, не стал спрашивать о случившемся. Тем не менее, он сказал, внимательно взглянув на бейджик:

– Олеся Олеговна, можно я тебя обниму?

Женщина качнула головой и расплакалась ещё сильнее. Незнакомец молча обнимал её, пока накопившееся выходило со слезами. И вдруг он отпустил её, а женщина, очнувшись от порыва, принялась вытирать слёзы. Она перестала плакать и бросила на мужчину чуть удивлённый вопрошающий взгляд: «почему он так рано её отпустил?» Однако из чувства благодарности Олеся Олеговна произнесла:

– Спасибо, что пожалели. Иногда так важно, чтобы тебя кто-то пожалел.

– А я тебя не жалел и не жалею, – ответил незнакомец.

Женщина опешила, а затем насторожилась. «Маньяк что ли?» – мелькнула мысль.

А тем временем незнакомец продолжил:

– Хочешь, чтоб такое повторилось?

– Что? – не сразу поняла проводница.

– Хочешь, чтобы с тобой ещё раз поступили так же?

– Нет, – выдавила она чуть растерянно.

– Нет, или очень сильно хочешь, чтобы такого больше не повторилось?

Незнакомец говорил так участливо, что женщина задумалась и ответила:

– Хочу, чтобы такого не повторилось...

– А ты знаешь, почему это случилось?

– Не знаю.

– Потому, что с тобой так можно поступать.

– Что?!

– С тобой так можно поступать, – невозмутимо повторил незнакомец.

В ответном взгляде Олеси Олеговны смешалось столько эмоций, что даже психологу было бы сложно их разобрать: и удивление, и злость, и обида. Её глаза пронзали незнакомца. А тот спокойно добавил:

– Ведь ты же это позволила не в первый раз. А значит, это можно. Значит, с тобой так можно поступать.

Невысокий пассажир развернулся и направился восвояси по затоптанной ковровой дорожке вагона. Проводница Малахольская рванулась за ним, но вцепившись в косяк двери, вовремя остановила себя, испугавшись, что ударит незнакомца.

Через пару часов, Олеся Олеговна в поисках сочувствия заглянула к подруге, ехавшей в отдельном купе «для своих».

– Представляешь, этот козёл сказал, что со мной так можно поступать! – уже в третий раз повторила она, стараясь не пролить ни капли кристального «бальзама от любой боли».

Пьяная, но ещё в силах произносить что-либо, подруга-субутильница изрекла:

– А, прикинь... С тобой, правда, так... можно. Он прав! Ты только не обижайся, я же твоя подруга...

Возмущённая проводница, не допив свою стопку, резко поднялась и метнулась к выходу. Но вдруг замерла, глядя в никуда, и, покачиваясь в такт движениям вагона. Внезапно её взгляд ожил, и глаза забегали, словно в душе их хозяйки шла какая-то борьба. Затем вновь её взгляд устремился в никуда, и ожили только её губы.

– Я стану сильной, – прошептала она себе. Улыбнулась и, обернувшись к подруге, сказала: – Спасибо.

Но собеседница уже лежала на столе и только подняла руку вверх, демонстрируя торчащий вверх большой палец.

Призрак с жезлом

Геннадий БОГДАНОВ

Геннадий Валентинович родился в 1948 году в Хабаровске. После службы в армии работал художником-оформителем, водителем, автомехаником. В девяностых годах руководил литературным объединением имени Петра Комарова при Хабаровской писательской организации. Публиковался в журнале «Дальний Восток», в литературных альманахах Хабаровского и Приморского краёв, г. Омска. Автор поэтических сборников «Ничто», «Пока дышу», «От сего дня», «Этюды». Заместитель главного редактора журнала «Литературный меридиан». Живёт в Хабаровске.

Солидность машине придавал административный номерной знак, выданный по распоряжению губернатора. С таким номерным знаком почти не останавливали. По крайней мере, ГАИ относилось с уважением и в некоторых случаях оказывало содействие в беспрепятственном проезде к тому или иному объекту. Но однажды произошло следующее...

Прохладным сентябрьским вечером я вёз владыку Марка в санаторий-профилакторий железнодорожников на встречу руководства ДВЖД с делегацией какой-то иностранной державы. На эту встречу был приглашен владыка и ряд ответственных лиц правительства края. Выехав из города, мы повернули на хорошо асфальтированную дорогу, которая тянулась вдоль старого грушевого сада – бывшего питомника им. Лукашёва – ныне заброшенного, видимо, навсегда. До санатория оставалось каких-то три-четыре километра. «Волга», пофыркивая проверенным временем двигателем, плавно катилась по асфальту, слегка поскрипывая морально устаревшей рессорной подвеской задних колёс.

Стрелка спидометра подрагивала между цифрами 50 и 60 км/час. Вдруг после очередного пригорка на пустынной дороге возник запрещающий знак «ограничение максимальной скорости», до этого никогда здесь не стоявший. На знаке красовалась цифра 40. От удивления я даже не притронулся к педали тормоза, чтобы снизить скорость, которая и так была невысокой.

Инспектор ДПС появился как из-под земли, молниеносно выпрыгнув из придорожных кустов. Пришлось остановиться на командный взмах новенького пластмассового жезла. Впрочем, всё на гаишнике сверкало новизной – начиная с кокарды на фуражке и заканчивая начищенными до блеска берцами. Форма была отлично пригнана по фигуре. На правом плече висел короткоствольный «комар». Притороченная к поясу рация хрипела на милицейской волне. Здесь же висели всевозможные подсумки, и тускло поблёскивали воронёной сталью наручники. Впечатлял радар, зажатый в руке инспектора, отдалённо напоминавший ракетницу. Похоже было на то, что странного вида милиционер участвовал в какой-то сверхсекретной операции.

Я опустил стекло водительской двери. Гаишник остановился на почтительном расстоянии от машины и гаркнул:

– Прапорщик Новиков! С документами ко мне!

Ничего не оставалось, как выйти из «Волги» и представить инспектору соответствующие документы.

– Почему нарушаем? – прапорщик указал на радар, где на небольшом зеленоватом дисплее застыло число «54».

Я вежливо объяснил, что мы следуем на встречу больших чинов, да и нарушение не очень значимое – превышение скорости всего на 14 км/час.

Последовал второй вопрос:

– Почему у вас номера наши?

Надо сказать, что в девяностых годах буквенное обозначение административных и милицейских номеров было одинаковым – первая буква «М» и после трёхзначного номера две буквы «А».

– Простите, – ответил я. – Это у вас наши номера.

Физиономия прапорщика стала походить на лицо знаменитого французского комика Фернанделя, выражая при этом крайнее недоумение.

– Как это у нас ваши номера?
– Очень просто, товарищ прапорщик. Нам их выдали по распоряжению самого губернатора.
– Понятно. – Прапорщик сдвинул фуражку на лоб и почесал затылок. – А кого вы везёте?
– Епископа Марка.
– Не понял?!
– Владыку Марка.
– Не понял!
– Ну, правящего архиерея Хабаровского и Приамурского Марка.
– А в каком он звании?
– Если по вашей субординации, то не ниже генерал-майора.
– А можно с ним поговорить? – заискивающе спросил прапорщик.
– Извините, но мне надо спросить разрешения у владыки.
Я подошёл к машине, и сказал епископу Марку, что с ним хочет поговорить товарищ прапорщик. Владыка улыбнулся, затем посмотрел на наручные часы,

подаренные командующим округа, и сказал:

– Что ж, минут пять у нас есть, пусть подойдёт, поговорим.

Я пригласил инспектора к задней правой двери, которая была распахнута, а сам отошёл в сторону и в ожидании стал внимательно осматривать близлежащие окрестности. По обеим сторонам дороги кроме старых раскидистых грушевых деревьев да придорожных кустов ничего не было. Впереди виднелись бетонные перила небольшого моста, переброшенного через ручей. Смущало отсутствие патрульной машины и полное одиночество бравого прапорщика Новикова, внимательно следящего за скоростным режимом на пустынной дороге.

Не знаю, о чём говорил владыка с инспектором ДПС, но через три минуты прапорщик вернул мне документы и пожелал счастливого пути. Поблагодарив его, я сел в машину и плавно тронулся, посмотрев в зеркало заднего вида. На дороге никого не было. Заходящие лучи солнца пробивались сквозь уже побуревшую листву грушевых деревьев.

За рулём – Геннадий Богданов. Фото Владимира КОСТЫЛЕВА.

**Кселена
ЛИТВИНОВА**

Мне не хватает светлого тепла

Кселена родилась в 1976 г. в г. Нестерове. Окончила Саратовский государственный медицинский университет. Стихи публиковались в литературных журналах «Волга XXI века» (Россия), «Эрфольг» (Россия), «Зов» (Венгрия), «Венский литератор» (Австрия). В апреле 2013 года стала победителем литературного конкурса, организованного интернет-журналом «Эрфольг». Живёт в г. Саратове.

В том грустном мире

В том грустном мире сумрачных людей,
Где каждый день звучит

одной лишь нотой,

Мне не хватает солнечных дождей,
Что красят тело легкой позолотой.

В том грустном мире мутного стекла,
Где каждый день пронизан сквозняками,
Мне не хватает светлого тепла,
Что обнимает мягкими руками.

В том грустном мире серости небес,
Где каждый день – день слез и сожаленья,
Мне не хватает сказок и чудес,
Мне не хватает сил и вдохновенья.

Там непогода дни и вечера
С тоской знакомит, словно злая сводня...
Пусть этот мир, что грустным был вчера,
Счастливым станет, солнечным сегодня!

Девчонка-сорванец

Готовит новый майский день сюрприз,
И удержаться снова невозможно:
Скользнула ножка золотая вниз,
Носком нащупав землю осторожно.

Сверкнула в небе темно-сером ткань
Клешеной юбки в маленьком оконце...
Волос поправив ярко-рыжих скань,
Из дома тихо убежало Солнце.

Вечернее чаепитие

Раскинул ветви мой зеленый рай,
В траве укрылись заспанные тени...
На чай вечерний, в сад, заглянет май
С большой охапкой розовой сирени.

Коснулись теплой глади лепестки,
Качнулась жидкость кольцевой волною:

Из чаши ветер делает глотки,
Ее сегодня разделив со мною.

Остались капли солнечного дня
На легких тучках неземного края,
Под ними ветер, юный май и я
Сидим за чашкой золотого чая.

Ее портрет

В прядь волос ей вплетает рассвет
Ленты розово-белых цветов,
В них запутался утренний свет
И весенняя свежесть ветров.

В милом платье коротком простом
Вечной юности, видно, секрет...
Пылкий май за небесным холстом
Пишет вишни цветущей портрет.

Земля просыпается

Гонят прочь озорные ветра
Мрак ночной вороньем
растревоженным,
Сон растаял ванильным мороженым
От шальных поцелуев утра.

На просторной кровати лугов
Ты под бледною лампою лунною
Просыпаешься девушкой юною
В кружевном одеяле снегов.

И душа отчего-то твоя
Взволновалась под тканями снежными,
Утро светится взглядами нежными,
На губах вкус ванили тая.

Книга дня

В оттенках рыжего тепло храня,
Дрожат веселые его ресницы...
Листает Солнце снова книгу дня:
Минуты - строчки, а часы - страницы.

Природа летние лелеет сны
И смены ждет весенних декораций,
Листы печатные уже полны
Цветных и ярких чудо-иллюстраций.

Мелькнула птицей за главой глава:
Сюжет напоен колдовской интригой...
Шепнув последние во тьме слова,
Уснуло Солнце над закрытой книгой.

Облачко

Бормочет что-то неразборчивое лес,
Укрытый полусонным перламутром...
Упало облачко с заспавшихся небес
Сегодня золотым июньским утром.

Дитя невинное далекой синевы
Очнулось посреди зеленой каши,
Плутает в гуще зачарованной травы,
В цветочные заглядывая чаши.

Уступит день часы рассветные жару,
И облачко приляжет на минутку...
На разукрашенном сияющем ковре
Отыщут небеса свою малютку.

Я твой силуэт нарисую

Я твой силуэт нарисую на фоне окна:
Намек на тебя на куске темно-синей бумаги.
Кружком золотым в уголок прокрадется луна,
И звездами яркими станут две капельки влаги.

Я твой силуэт нарисую на фоне окна,
Как будто ты смотришь во тьму,
дожидаясь рассвета,
А там - за прозрачным стеклом наступает весна,
А, может быть, это начало цветочного лета...

Я твой силуэт нарисую на фоне окна,
Но тайную мысль от себя и от всех укрою,
Что буду теперь в этом доме уже не одна,
Ты будешь теперь каждой ночью со мною,
со мною...

Я стану в небе маленькой звездой

Когда усталый месяц молодой
Уснет за тучей в полумраке сонном,
Я стану в небе маленькой звездой -
Песчинкой яркой на квадрате темном.

Пустынный город - груда спящих гнезд,
Свиданий наших он уже не против,
Меня узнаешь среди тысяч звезд,
Я буду за окном твоим: напротив...

Не ослепляет пусть мой теплый свет,
И пусть сама во тьме ночной робею,
Но ты поймешь, что близится рассвет,
Надеждой сердце я твоё согрею!

Танец во тьме

Я буду танцевать во тьме одна
В прозрачном платье,
сшитом лунным светом,
Пока рисует звездным трафаретом
На небе ночь в глухой тиши окна.

Незримо вьется лентами мотив,
С придуманными мне тобой
словами...
В саду, тихонько шелестя устами,
Неслышно подпевает пара ив.

Я буду танцевать во тьме одна,
И будет ночь пусть нежностью
согрета,
И в снах твоих безоблачного лета
Пусть наша отражается весна.

Начало июня

Прорываются птичьи свирели
Сквозь зеленые ткани листвы,
Спит румяный Июнь в колыбели
Из плетеных полосок травы.

Земляника висит погремушкой
Под завесой из белых цветков,
Ветер плещет заботливо кружкой
С ароматом тугих лепестков.

С манной кашей огромное блюдо
Держит небо в воздушной руке...
Солнце будит кудрявое Чудо,
По веснушчатой глядя щеке.

За дождем

Мы с тобою - лишь два силуэта
На краю грозовых облаков,
Там рождаются всполохи света
Между темных небесных оков.

Там готовятся беды и благодать
Шумом ливней и теплых дождей,
Там таятся проклятья и радость
Миллионов усталых людей.

Мы с тобою - лишь два силуэта
На краю грозовых облаков:
Тихо бредит горячее лето
Без живительной влаги глотков.

Осень бродит тихонько одна

Осень бродит тихонько одна
У деревьев, от шума уставших,
Горький чай заварил Она
Из дождей и из листьев опавших.
Тучи смазали солнечный след,
Закружившись седыми мотками,
Осень, кутаясь в сумрачный плед,
Горький чай пьет большими глотками.

Новое издание легендарной «Блокадной книги»

Василий САМОТОХИН

Василий Николаевич родился в 1956 году. Закончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Публиковался в журналах «Сихотэ-Алинь», «Пограничник», «Ориентир», «Океан», «Советский воин» и др. Лауреат премии «Золотое перо границы». Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в городе Санкт-Петербург.

В Петропавловской крепости состоялась презентация нового издания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. Её выпустил «Лениздат».

У книги, в основе которой лежат документальные воспоминания двухсот блокадников, своя героическая судьба.

До 1984 года на эту книгу был наложен негласный запрет – тогдашним партийным властям казалось, что книга слишком откровенная, даже натуралистичная, и этим она снижает накал подвига блокадников. Впервые книга о Ленинграде вышла в Москве, изувеченная цензурной правкой. В годы перестройки «Блокадная книга» выходила сотысячными тиражами, а потом труд Адамовича и Гранина не переиздавался почти два десятка лет, хотя все эти годы в каждую блокадную дату власти клялись, что «никто не забыт и ничто не забыто».

Но, к счастью, нашлись люди с настоящей памятью, которые выпустили

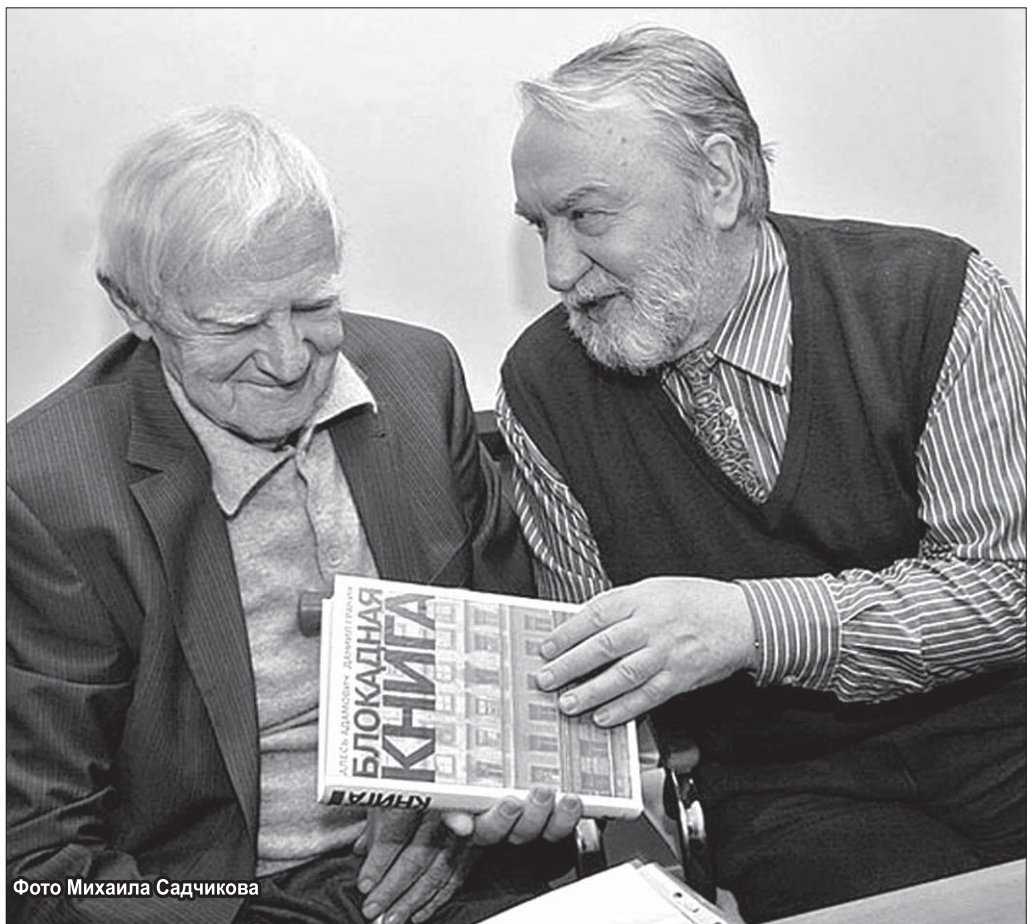

Фото Михаила Садчикова

в свет обновлённую, дополненную, очищенную от цензурных вмешательств, отлично изданную «Блокадную книгу». Новое издание предварено главой «История создания «Блокадной книги», написанной Даниилом Граниным, а завершается главой «Ленинградское дело», которую в советское время не удалось опубликовать. Появились и блокадные фотографии из фонда Государственного музея истории Санкт-Петербурга, фотографии из личного архива Гранина, впервые показаны фрагменты вёрстки журнала «Новый мир» с изуродованными цензурой главами.

На петербургской презентации говорили многие, но все ждали слова Даниила Гранина, отметившего на днях 94-летие. Писатель находился в приподнятом настроении и произнёс двадцатиминутную речь, в то время как в Москве на подобной презентации ограничился буквально двумя-тремя фразами.

– Сегодня блокада – это не чисто историческое событие, которое зачем-то и почему-то надо вспоминать, которое для молодёжи может звучать примерно так же, как Троянская война. Блокада показала всему миру, что может человек, какие запредельные ресурсы духа имеют люди. Мы сами удивлялись тому, что происходило с людьми. Так, выживали не те, кто лежал дома, а те, кто работал, заботился о других. Мы себе не представляли, что значило тогда идти на работу и что значило не ходить на работу, потому что это жёстко преследовалось законом.

В завершение Даниил Гранин сказал, что благодарен издательству, которое выпустило книгу в достойном оформлении, всем тем, кто пришёл на презентацию.

Писателю задавали вопросы, он отвечал на них.

– Цензура сильно вмешивалась, когда книга уже была написана?

– Когда мы закончили «Блокадную книгу» и готовили её к изданию в журнале «Новый мир», получили 65 цензурных замечаний по рукописи. После всех предварительных вычерков редактора в «Новом мире» ни один из ленинградских журналов не смог бы вообще напечатать эту книгу. Хотели поговорить с цензором, доказать, объяснить. Но никто не дал адреса цензора. Даже фамилию не сказали. Все скрывалось, действовало анонимное существо, некая неземная инстанция. И невозможно эти цензурные изъятия восстановить. Все рассеялось, исчезло. Урон, нанесённый цензорами огромен и представить это невозможно.

Я могу привести слова генерала Епишева, который говорил: «Там, в «Новом мире» говорят, подавай им черный хлеб правды, а на кой черт она нам нужна, если она невыгодна».

Еще пример. В середине 30-х годов на Украине собрали съезд бандуристов. Это были слепцы, которые издавна бродили по селам. Это живая история страны. Все её песни. Вся её музыка и поэзия. Почти всех их расстреляли. Зачем это сделали? Их песни не проходили цензуру. Таков был уровень мотивировки властей. Какая может быть цензура для слепых? Исправить текст, так ведь не дашь ему прочитать. Со слепца и подписи не взять. Проще расстрелять.

– Много историй не вошло в книгу?

– Одна женщина рассказывала мне, как она оставила мужа-доходяку, дистрофика, распрощалась с ним и оставила помирать, а сама с двумя маленькими детьми, погрузив их на санки, поплелась на Финляндский вокзал и уехала. Говорила, что муж ее благословил на это. Когда рассказывала это спустя тридцать пять лет, рыдала.

– А сколько людей погибло в Ленинграде?

– В «Блокадной книге» мы с Адамовичем написали цифру погибших – «около миллиона человек». Цензура вычеркнула. Нам предложили шестьсот пятьдесят тысяч – количество, которое дано было министром Павловым, оно оглашено было на Нюрнбергском процессе. Мы посоветовались с историками. Те определили – восемьсот пятьдесят тысяч. Жуков в своих мемуарах считал, что погибло «около миллиона». Обратились к главному идеологу партии Михаилу Суслову. Тот указал, как отрезал, – шестьсот пятьдесят тысяч и ни человеком больше. Утверждали люди, которые не были блокадниками, что Суслов не хотел «сгущать краски». Когда война окончилась, они стали секретить потери войны. Победа должна выглядеть счастливой.

Я скажу так: даже добросовестные историки не учитывают погибших на Дороге жизни, в машинах, что уходили под лёд, и тех, кто погибал уже по ту сторону блокады от последствий дистрофии, и те десятки, а то и сотни тысяч, что в июле – августе бежали из пригородов в Ленинград и здесь вскоре умирали от голода, от бомбежек «неуценными».

– Что для вас означает понятие «ленинградец»?

– Ленинградцы падали от голода, а протягивали руку помощи другому, чтобы спасти его. Оказавшись в той жестокой ситуации, ленинградцы вели себя именно как ленинградцы – я имею в виду не «географическое» значение этого слова, а его, так сказать, нравственный смысл. Да, за ними стояли Глинка, Чайковский, Пушкин, Блок, и все это давало людям новые нравственные силы, когда физических сил уже не оставалось. И то удивительное достоинство, с которым люди умирали, тоже содержит в себе гордое понятие «ленинградец». Мы с Адамовичем считали, что такие истории должны тревожить человеческую совесть. К тому же эта работа показала нам, насколько жизнь богаче и ярче художественной литературы. Понятие «художественная литература» употребляю в том смысле, что если бы писал о блокаде, никогда не смог бы придумать ничего сильнее, чем вот эти безыскусные рассказы, из которых тоже складывается понятие – подвиг Ленинграда.

Настоящий ленинградец – это и прекрасный художник Павел Николаевич Филонов, человек одержимый, преданный своему искусству. Он измучил и себя и своих близких нетерпимостью к малейшим отступлениям от принципов. Жил впроголодь, не желая продавать

свои картины советским организациям за деньги. Этот аскетизм так истощал его, что он погиб в самом начале блокады, в первых числах декабря 1941 года.

– Вы воевали на Ленинградском фронте. А были ли вы в блокадном Ленинграде?

– Раза два был. И видел, как лошадь тащила сани с патронными ящиками. Она упала на подъеме и уже не встала. Красноармеец ее бил, чтобы встала, а у неё не было сил. А тут вдруг откуда ни возьмись налетели люди, с топорами, ножами и начали кромсать лошадь, вырезать из неё куски. Через несколько минут от неё остались одни кости.

Трупы лежали в подъездах и весь город был засыпан снегом. Однажды мы вели пленного. А немец смотрел на прохожих, и на его лице был ужас. Люди были замотаны в какие-то платки и, шарфы, лица от копоти были чёрными. Возраст определить было невозможно. Немец ужасался, а прохожие безразлично смотрели на врага.

– Даниил Александрович, я лишь недавно прочитал вашу книгу и от неё стал просто больным. Отдельные рассказы просто невыносимы для чтения. Зачем вообще эта книга, зачем описывать эти трагические страдания?

– Мне однажды позвонили из Новгорода и сказали, что они провели срочное собрание в связи с моей книгой. Одна женщина упала и сломала ногу, звала на помощь, но никто к ней не подходил. А мы писали в своей книге, что измученные ленинградцы помогали друг другу, поднимали упавших. Они спрашивали меня, почему мы, сытые, здоровые люди проходим мимо чужого горя? Я думаю, что настоящая литература должна тревожить человеческую совесть. Как говорил Достоевский, «пробить сердце». И чем благополучнее у человека жизнь, чем она более сытая, тем совершить это труднее. Я считаю, что страдания ленинградцев в блокаду не должны пропасть, ведь эти страдания требовали решения каких-то нравственных проблем.

После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Дмитрий Шостакович произнёс: «Теперь можно плакать». Слезы – это чувство сострадания, может, главное для человеческой души. Вот вы и решайте сами, нужна такая книга или нет.

– В вашей книге вы пишете о том, что на войне было невыносимо пройти мимо раненого, последний кусочек хлеба отдавали в блокадном Ленинграде тому, кто помирал от голода. Почему тогда были более чуткие люди, чем сейчас, в наше благополучное время?

– Да, на фронте были добрее друг к другу, чем сейчас. В рыночных отношениях люди ожесточаются. Кто несостоятелен в бизнесе, имеет больше шансов сохранить человеческие чувства, но он не настолько богат, чтобы материально помочь слабому. Сейчас редко говорят о милосердии. А оно крайне необходимо. В эссе

«Милосердие» я писал, как ночью в больнице пожилая женщина просила меня присесть рядом, держала мою руку в своей руке и умерла. Ей очень нужна была такая частная помощь. Вернуть милосердие – это вернуть понимание, что у нас есть страна, есть народ, а не население. Я думаю, чувство сострадания пришло из русской деревни. Помощь голодающим, нищим – всё это было частью деревенской культуры, на которой во многом держалась русская культура. Не стало деревни – не стало и культуры. А город – он жесток. И раньше, и сейчас уверен: когда помогаешь другим, самому становится легче.

– Фашисты заняли Павловск, Пушкин. Для Гитлера Ленинград стал главным городом-врагом. Бомбежки, артиллерийский обстрел продолжались непрерывно. Немцы не взяли город, 900 дней пытались войти и не смогли. Почему?

– А вы почитайте не только советских военачальников, но и военные дневники фон Лееба, записки Гальдера, мемуары гитлеровских генералов. Через месяц после начала войны у фон Лееба уже появилось уважение к противнику: «Русские сопротивляются отчаянно, с гранатой идут на танки». Гальдер признается, что план блицкрига сорван, в ротах осталось по сорок солдат, русские дерутся бесстрашно. «Величайший полководец» Гитлер был плохим психологом. Он не знал ни России, ни Ленинграда. Россия была пятнадцатой страной для Гитлера, но первой страной, с которой началась совсем другая война.

Скажем честно, немецких солдат смущала совершенно не солдатская задача: город должен был сдохнуть от голода. Наверное, впервые в военной истории войска добивались, чтобы осажденный город не сдался, не капитулировал, а вымер бы. Планы немецкого командования заключались в том, чтобы перерезать сухопутные коммуникации к Ладожскому озеру, тем самым уничтожить Дорогу жизни и лишить Ленинград и его войска последней возможности получить помощь.

Одной из странностей истории блокады было то, что в течение всех 900 её дней для солдат Ленинградского фронта не было ясности, собираются ли немцы брать город. Снимает ли это обстоятельство с ленинградской блокады её героическую сущность? Конечно, нет. Неприятель не сумел заставить город капитулировать. Дезорганизовать внутреннюю жизнь города тоже не удалось. Даже футбольные матчи проводились. Дорогу жизни перерезать не удалось. И самое главное, дух горожан сломить не удалось. Ленинградцы не сдались. Спустя почти 70 лет история ленинградской блокады преподносит нам много вопросов и истории должны честно ответить на них. И люди, у которых есть совесть, которые знают, что такое справедливость и милосердие, помогут им в этом...

Презентация продолжалась почти два часа, уже потихоньку ушли важные гости, а Даниил Александрович всё сидел и подписывал книги, давал автографы, фотографировался на память.

«Белая гвардия»

**Евгений
БАРДАНОВ**

Евгений Юрьевич родился в 1968 г. в Омске, служил в Москве, в ОМСДОНе, бывал в командировках в Закавказье. Печатался в журналах: «Преодоление», «Вольный лист», «Литературный меридиан», «Точка зрения», «Журнал литературной критики и словесности», «ЛикБез», «Современная литература мира», «Великоросс», «Аэлита», Русский Дом» – на электронных ресурсах и на бумаге. Живёт в г. Омске.

С 1991 года в городе Омске орудует подпольная белогвардейская организация, хитро маскирующаяся под обыкновенный театр.

Люди в форме сибирскому обывателю не в новинку – здесь, в городе на Иртыше, дислоцируются многочисленные и разнообразные регулярные воинские части, славный традициями и выпускниками Сибирский кадетский корпус, функционирует Сибирский казачий юридический колледж. И это ещё, не считая учреждений, относящихся к МВД и МЧС. Наш город всегда, начиная с имперских времён и до настоящего, либерально-го, был «кузницей кадров» государственного служивого сословия.

Вопреки уверениям зарубежных экспертов, что Сибирь, изнывающая под гнётом Москвы, мечтает отделиться от России, патриотизм, лояльность государству у сибиряков-омичей «генетическая», совратить нас всякими там идеологиями – нереально. У нас даже землетрясений не бывает! Помнится, недавно случилось на Камчатке, мощное, – до столиц дошло, а в Омске – тишина, ни разу не качнуло... Причиной тому, говорят, толстая грунтовая «подушка» из осадочных слоёв, осевшая под древним океаном, словно мать природа нарочно создавала Сибирь такой, предназначив ей являться центром мирового порядка и оплотом стабильности (в том числе и политической).

Однажды, в период межвременья, Омск ненадолго стал столицей, и об этом сохранилась память. Эту память всеильные узурпаторы и цареубийцы не один десяток лет старались стереть, считая опасной для общества. Несколько поколений омичей выросло с убеждением, что город их – место ссылки, казарма и тюрьма, о чём свидетельство оставил даже Ф.М. Достоевский.

С памятью Александра Васильевича Колчака коммунистическая власть боролась яростно, с ненавистью и азартом. Высмеивала и унижала его личность, проклиная его дела. Даже имя его, полярного исследователя, учёного, было стёрто с географических карт. Только память народная хранила это имя, ведь несмотря на зловещий оттенок, эта страница истории – повод для гордости. Отчего же нет? Диктатор Колчак ничуть не ужаснее кровавых тиранов, заправлявших в Москве или Петербурге!

Любопытен факт: даже при Советской власти, в условиях тотального идеологического контроля КПСС, омские железнодорожники, ничуть не стесняясь, отзывались на «колчаков». Их коллеги – новосибирцы на профессиональном жаргоне слыли «карясами» (потому что они живут в «рыбной области» – на озёрах, которых там две с половиной тысячи).

Новая либеральная власть России, чтобы откреститься от собственного коммунистического генома, постаралась «мутировать» – переосмыслить историческое наследие Империи и несколько ослабила идеологический прессинг в отношении тех, кто помнит и уважает «белое» прошлое страны. Возникла парадоксальная ситуация: добровольческая армия, с её принципами благородства и чести, отныне принята за образец патриотического служения, но такая позиция власти непонятна очень и очень широким слоям населения, для которых «белые» остаются врагами народа.

Примирить две враждовавшие в недавнем прошлом силы отчасти удалось – на «культурном поле». Патриоты царской Империи и патриоты Социалистического Отечества, и те, и другие – «государственники».

Самым ярким, фантасмагорическим символом государственного патриотизма можно считать атрибутику РФ: орлы и штандарты Президента, красные звёзды и красное знамя ВС Российской Федерации, гимн на новые слова старого автора (С. Михалкова) и старую же музыку (А. Александрова). Для города Омска этот проект обернулся неожиданным явлением: призывникам преимущественно из нашего города дано право по желанию служить в Президентском полку. С 25 мая 2013 года в Омске появилась уникальная традиция: ветераны этого полка выставляют почётный караул в Мемориальном сквере Памяти борцов революции у Вечного огня.

В тени государственной программы всё это время существовала инициатива, зародившаяся «снизу», неформально. Слабая, как любая исключительно культурная, а не коммерческая, в своей основе, но вместе с тем и живучая, замешанная на здоровом энтузиазме. Ещё в 90-х годах прошлого века на улицах Омска замелькали... мундиры белогвардейских офицеров и солдат. Яркие, необычные, странные, они привлекали внимание и будоражили общественное любопытство. Шутки прохожих не смущали наряженных в униформу немногочисленных молодых людей, и новые «беяки» с удовольствием делились своими знаниями о забытом и обогланном периоде

русской истории, известном как Гражданская война.

Так начинал свою просветительскую миссию неформальный клуб «Белая гвардия», благодаря которой в городе появился Музей гражданской войны, открылся памятник адмиралу Колчаку и ресторан с одноимённым названием.

Власть предрекающие всегда стараются придушить неформалов, даже таких, чья деятельность, казалось бы, носит прогрессивный оттенок и протекает в русле политики государства. КГБ заинтересованно следил за «белогвардейцами», отслеживая возможные метаморфозы организации. В то смутное время прецедентов имелось предостаточно – националистические движения пылающих конфликтами регионов бывшей единой страны все также начинались с «культурного просвещения». Не забылось и «Сибирское областничество» Г. Потанина, Н. Ядринцева и др., и чекисты держали ухо востро. Помощи молодым историкам от городских властей не было, но и препятствий особенных не чинилось. Деликатно поинтересовалась вменяемостью «белых» историков Омска и разведка Германии. Так совпало, что в 90-е годы в нашей области создавался Азовский немецкий национальный район, и немецких партнёров губернатора Л.К. Полежаева встревожило появление на улицах Омска «корниловцев», напоминавших об успешных «ударных»

операциях русских войск против Германии в Первую мировую. Вполне корректно отнеслась к «белогвардейщине» КПРФ – заядлых «монархистов» даже привлекали к распространению газеты «Красный путь!» Патриоты, «красные» и «белые», были заедино: вместе ругали демократов, захвативших тогда инициативу в клубе и порывавшихся учредить «Белое движение России». Благодаря спонсорской помощи Союза ветеранов Афганистана, событие состоялось в помещении бывшей резиденции адмирала Колчака, прошло на хорошем организационном уровне, с участием делегатов из разных регионов страны.

...Мода на политические игры прошла и современные «белогвардейцы» отказались от нелепых непосильных амбиций. Продолжив существовать как униформистский клуб, общественная организация «Белая гвардия» сегодня занимается лишь тем, что было в ней заложено разумного и здорового: культурно-просветительской деятельностью. Театр исторического костюма «Белая столица» появился как совместный проект с «естественными союзниками», то есть с казаками Сибирского региона.

Со времён основания в труппе появилось много новых участников, увлечённых исторической реконструкцией: молодые девушки и дамы в шикарных нарядах, блистательные кавалеры, способные не только

танцевать в салонах, но и слаженно выполнять строевые приёмы, удивлять гражданских джигитовкой, искусным фехтованием шашкой.

Театр исторического костюма под руководством офицера Сибирского реестрового казачества О.П. Томилова выступает на праздничных мероприятиях города Омска, на корпоративных торжествах коммерческих организаций, заботящихся о своём культурном имидже. Почётным караулом встречали в Омске, в мае сего года, Главу Российского Императорского Дома Е.И.В. Великую Княгиню Марию Владимировну.

Наряды и форму самуницией участники постановок создают сами, и это, пожалуй, наиболее весомое препятствие развитию театра. Многие молодые люди с творческими способностями хотели бы присоединиться к хорошему общественному начинанию, да слишком уж затратное это хобби, ведь реконструкторы не ограничиваются периодом Гражданской войны – выступают и на День Победы, и на этнических фестивалях... А как было бы здорово увидеть массовые постановочные сцены с участием, скажем, «белочехов» или тех же «кайзеровских германцев», битых генералом Брусиловым, или Ермакову дружину на челнах, в схватке с татарским войском хана Кучума... А то и кино снять «на натуре»...

Фото из архива автора.

Таёжные были

Виктор ДЕБЕЛОВ

Виктор Андреевич – журналист, автор нескольких книг стихотворений и прозы. Печатался в ряде приморских краевых и дальневосточных изданий. Почетный житель г. Арсеньева.

Егерь

Ах судьба ты егерская, переменная... Сегодня ты в фаворе у начальства, а завтра – изгой. Как ни странно, больше это касается настоящего егеря, великого знатока тайги, которую любит и бережет он, как мать родную.

Геннадий Римза – из таковых. По северному военному стажу ушел он с прапорщиков на пенсию в 35 лет. Вернулся в родное приморское село, вокруг которого тайга на десятки километров. То на равнинах, то тянущаяся в сопках – перевал за перевалом. В советские времена районный охотовед души в нем не чаял. И тайгу Гена обихаживал – солонцевал честно, копенки сена верстал для зверья копытного, и браконьера прищучивал без разбору чина. Там уже дело охотоведа – судить да рядить. Егерское дело – задержать незаконника и грамотно протокол составить.

Но пошли смутные российские времена. Тайгу в районе отдали в аренду новым русским. Один из таких арендаторов – местный солидный бизнесмен Пал Ваныч – тут же и положил глаз на Гену: ведомо, при таком егере посторонний охотник и браконьер в частное угодье не сунется.

И не совались. А кто совался – тут одного раза хватало. И сам больше не лез сюда с ружьем, и другим заказывал.

Однако же недолго проработал Гена у арендатора. Лютым тот сам оказался браконьером. На джипе или снегоходе со слепящими зверя прожекторами бил из карабина с оптикой и косулю, и сохатого. На медведя ходил с людской да собачьей оравой. И вообще часто с друзьями браконьерничал, похваляясь своим статусом хозяина тайги и безнаказанностью.

И тут нашла коса на камень. После пары Гениных предупреждений «хозяину» сбить охоту к незаконному промыслу, которые Пал Ваныч пропустил мимо ушей, егерь составил протокол на его братца, отстрелявшего без лицензии кабана, чем сильно разгневал работодателя. А потом и на него самого, Пал Ваныча. Вот тут и кончилась Генина служба у нового русского: враз сократили.

Оставшись без работы, завел на подворье хозяйство: корову, которая потом утроилась телками, в свою очередь ставшими коровами, свиней, кроликов – семью-то надо кормить. Неплохо получалось, наладились с женой Жанной молоко, творог да сметану в городе сбывать.

Так в усадебной суете прошло три года. И вдруг...

Приглашают Геннадия во Владивосток, на беседу. Как оказалось, по рекомендации бывшего главного охотоведа района. Большой чин открыл в тайге охотничье хозяйство и в открытую выложил Гене идею. Егерская служба во главе с ним, Геной, ставит дело так, чтобы зверь здесь водился приличный и в большом количестве, посторонних – ни единого. Но, случись, нагрянут нужные люди из Москвы, выстрел им ради адреналина обеспечить удачливый.

Подумал Гена – да и согласился. Во-первых, скучал сильно по тайге все это время, во-вторых, обещали всякую охоту лицензиями снабдить. Вот уже четвертый год Гена в егерях. Теперь у него по три звездочки на лентах-погонах. То есть старший егерь. Чин большой в нем души не чаёт: зверья развелось в угодьях в изобилии, заезжие гости убывают в Москву с гордостью за «заваленного» медведя, кабана, косулю. То-то рассказов будет в первопрестольной...

Тайга – спасительница

Егерь Римза на казенном «Буране», объехав охотугодья, пополнив комбикормом несколько подкормочных площадок, возвращается домой. На хоздвор, в тепло егерской гостинки. Смотрит, на пробитой его снегоходом колее в ожидании и без ружья стоит мужик. Видно, не с браконьерским

промыслом забрел в эти места. Останавливается егерь:

- Кто такой и почему в запрещенном месте?
- Заблудился. Хотел срезать путь на большак, а теперь и вовсе не могу на него выйти.
- Так трасса ого-го где, километров двадцать до нее будет. Садись, подвезу в попутном направлении, потом покажу, куда двигаться.

По пути разговорились. Оказалось, что, плутая, мужик проходил мимо зимовья, которое пристроили таежники у перевала Кедровый, и в отсутствие всяких там людей видел тощую, голодную, похоже, умирающую собаку. То ли заблудилась на охоте с хозяином, то ли хозяин бросил ее, как не оправдавшую надежд на охоте. Бывает нередко и такое...

На другой день Гена с напарником Витькой вышли в направлении зимовья. Скоро вышли на тропу, пробитую у самого перевала, и оказались возле зимовья. В самом деле, у тесовых дверей на заснеженной террасе лежала собака, не обратившая на егерей никакого внимания. Немного рыжая, немного лайка, немного дворняга. Уши стоят, но хвост вверх не спиралит. Положили рядом кусок мяса, кусок хлеба – ноль внимания. Не подходит к еде. Так и не подошла до ночи. Видно, сильно по хозяину тосковала. Чуть ли не по-человечески разговаривали с ней егеря, убеждая поесть, – только рычала жалобно. Лишь на другой день увидели егеря обглоданную косточку, а от хлеба и крошек не осталось.

Два дня откармливали полулайку. А на третий, сделав обход по низовьям, двинулись обратно. И... собака за ними. Егеря идут, собака бежит галсами – вверх-вниз. То следы кабанов увидит, припадет над ними. То дух козий учует – вон тоже следы метрах в пятидесяти. Видно, охотник добрый эта собака, но в недобрые руки попала. Люди идут – и собака за ними. Вот еще копытами снег продырявлен – тут уж собака надолго исчезла из обозрения егерей. С полчаса не было, подумали, что и от них отбилась.

Вышли егеря на перевал, смотрят – следы медведя. Явно бурого, матерого. По всем признакам, шатуна, которого не прельщают ни тепло берлоги, ни прелести спокойной зимней спячки. Такой не только на кабана и другую лесную живность пойдет, но и на человека. Тем более, кажется, подранок. Похоже, не сильно повезло охотникам с ним, а может, наоборот – повезло: видно, вовремя отступили, вот он и не задрал их в ярости мщения. Но поосмотрелись егеря, прикинули, где тут поблизости может коротать свое выздоровление бурый, и не высмотрели его убежища. Только четыре могучих кедра стоят в отдалении да большущая береза рядом с ними век свой коротает. Не обнаружив опасности, сели мужики на валежину, сняли рюкзаки почаяевничать. О собаке уже и забыли. Но лишь наполнили из термосов кружки, разломали остатную полубуханку хлеба, как вблизи раздался грозный медвежий рык. Сверху катился на них медвежище, оставляя после себя огромную снежную просеку. Едва успели приготовить к бою карабины, как медведь уже тут как тут. Метров пятьдесят остается. Егеря шлют в него выстрел за выстрелом, а медведь лишь приседает на задницу,

очумело повертит головой – и снова курсом на людей. По пять патронов было в каждом магазине, а осталось у Гены два, у Витьки один. Бронированный какой-то медведь – даже убойный заряд не берет. То-то не пофартило охотникам или браконьерам. Не про них оказался бурый косолапый с непробиваемой шерстью и шкурой.

Вдруг летит к ним по тропе стремительно собака, резко берет к медведю и с ходу вцепляется ему в «штаны». Лишь на миг отвлекся на полулайку шатун, но этого оказалось достаточно для спасения егерей. Две пули двух выстрелов в упор легли в самое уязвимое место медведя – подставленное под карабины ухо. Упал, но не подмял под себя ни людей, ни собаку. А спасительница как ни в чем не бывало улеглась у ног пришедших в себя егерей и несколько раз победно гавкнула. Тут уж егеря не чаю себе налили в кружки, а беленькой. Во спасение душ!

И назвали собаку, ставшую примером преданности и верности человеку, Тайгой – сучкой оказалась. Живет она теперь в Генином дворе. В быту охраняет дом, а случись охота у вип-персон, Гена обязательно с ней. Даром что дворняга по рождению, но в охоте на всю округу нет ей равных.

Сирота-белогрудка

Но однажды... Был у Гены мартовский короткий отпуск. Ночью на подворье загавкали обе лайки, загремели цепями. Поднялся егерь с постели, включил свет во дворе. Никого! Собаки рвались к забору, и Гена открыл калитку. И тут же увидел небольшой картонный ящик. Шевелящийся и голосащий. Открыл крышку – а там малюсенький медвежонок. Скулит, лапами по дну загребает. Егерь за ящик – да в дом.

Разглядел гималайского месячного медвежонка-белогрудку. Понятно, браконьерская работа. Медведицу убили, а детеныша пожалели. Слава богу, не бросили в тайге и знали кому подбросить. Гена сообщил в «Приморпромохоту» о случившемся и получил наставление пестовать малыша, пока тот подрастет месяцев до четырех-шести, после чего и определяют его судьбу. И стал медвежонок родной душой в семействе егеря, и нарекли его Потапкой.

Главной кормилицей Потапки стала дочь егеря тринадцатилетняя Машенька. Посадит его к себе на колени, соску в пасть – тот и кушает из бутылочки детскую молочную смесь.

А на полу он – ну просто человеческий ребенок-грудничок. Пытается встать на лапки, но только смешно так распластается на все четыре конечности и елозит ими в бесполезных попытках.

Спать очень любил. В такой же коробке укладут его в отдаленной комнате, машенькиной спальне, вздремнуть, так он что в берлоге. Дрыхнет – сопит, вздыхает в своих неведомых снах. Даже когда встал на ход Потапка, все норовил в «берлоге» спрятаться от надоедливых любопытных гостей и их обнимок. А то шмыгнет под диван, только мордочкой любопытной с глазками-бусинками оттуда и обозначается. И лишь на призывный голос Машеньки косолапит к ней из любого угла

домины. Да Гену сильно любил: видимо, чувствовал в нем своего спасителя. А Гена да Машенька, да жена егеря Жанна уже и медом, сгущенным молоком белогрудку-сиротку потчуют. Уже и кашкой молочной из чашки. Ложки только Потапке и не хватает. Впрочем, к чему она ему: итак языком все вылизит, только и загремит пустой алюминий по закоулочкам.

В четыре месяца увез его Гена в охотугодьё. В жилом егерском доме отвел ему «спальню» – отдельную комнату. На волю под присмотром позволял небольшие гуленьки справить, что собакам егерским не понравилось: так и норовили на него с цепи сорваться. А Потапка, все больше чувствуя силу, сам на собак уже был готов накинуться. Нервно поглядывал мишутка на других егерей даже тогда, когда они его кормили в отсутствии Гены. Только его власть над собой и признавал, только на его голос мчался к нему вприпрыжку. А появлялась Машенька, Потапка со всех ног летел и к ней, тянулся мордочкой к ее щекам, облизывая их языком. Нарезал вокруг нее круги счастья и восторга.

Сегодня Потапка уже годовалый Потап. Живет он в одном из приморских сахари-парков. И, наверное, очень скучает по своему спасителю и Машеньке.

Лягушатники из Поднебесной

Конец января жжет «китайскими морозами». К тому же слегка пуржит. И все же егерь во всем своем прикиде и снаряжении собрался в обход. Как чувствовал!

На втором километре от хоздвора увидел след человека, припорошиваемый снежком. Увидел, остановился. Что-то заставило Гену пристальнее взглянуть в этот след. Необычный по конфигурации и с неровными краями. Присел на корточки и обнаружил, что носки и передняя часть сапог словно уходили вперед после постановки ступни. Вывод: след в след шли два человека. Не крупных телом, но сноровистых, бывалых. Второй точно попадал в след первого – ни единого промаха в какую-либо сторону.

Егерь наладил лыжи за подозрительными людьми. Следы тянулись к скоротечной неширокой таежной речушке, которая не замерзла местами, несмотря на самую середину зимы и лютые в этом году морозы. Следы и привели к чистой воде, где егерь увидел следующую картину. В воде, как бы перегораживая русло, трепыхалось несколько мешочков, похожих на полиэтиленовые и с какими-то непонятными прибабками. Но и без вариантов стало понятно, что кто-то охотится на лягушек. Это нам, несведущим, кажется, что на эту деликатесную для восточных людей особь только лето – пора таких охот да забав. Но, оказывается, и зимой браконьер приспособился вылавливать их.

Увидел Гена продолжение следов – вверх по течению. И тут все понял окончательно. Надо мчаться туда без промедления, иначе не только лягушкам, зарывшимся в относительно тепле донной тины, но и самой речке не сдобровать. В полукилометре они, те двое, и нарисовались. Один коловоротом вертит во льду уже вторую лунку, другой какие-то таблетки в коробушку из кармана ссыпает.

Вовремя егерь настиг губителей. И не удивился, что это граждане сопредельной страны. Подъехал на лыжах, карабин снял с плеча, спрашивает:

– Что у тебя в руках за таблетки?

– Аналгина, капитана, силна галава балит, личить нада галава, капитана.

А сам мокрый до пояса, видно, он и устанавливал в речке те мешочки-ловушки.

Ужаснулся егерь: надо же, ради выгоды человек готов самим здоровьем своим, а то и жизнью пожертвовать...

– Бросай сюда «анальгину», – приказал он «мокрому». – Ты, – это уже второму, с охотничьим ножом, – инструмент собери и на берег. А лечить вас от головы будут в другом месте.

Второй начал озиаться по сторонам, видно, в бега наладился. Тут и прогремел выстрел из карабина: егерь показал однозначность своих намерений.

– Не стреляй, капитана, – взмолился второй. – Русска тожи дурака бывает! – озверело посмотрел на Гену.

– Ну тогда вперед, – егерь решительно указал стволом карабина в обратном направлении.

Когда подошли к чистой воде, егерь приказал «мокрому»:

– Вытащи свои мешки, понесешь с собою.

Тот беспрекословно зашел в воду, собрал ловушки в кучу и сунул их в свой рюкзак.

Так и шли китайцы бессловесно под конвоем Гены, пока не показались строения охотугодьё. Но вот один из них, представившийся Андлюшей, попросил остановиться.

– Капитана, давай пагавалим?

– Ну давай, только покороче, спешить надо. Вон друг твой обледенел, обморозиться может, тогда уже анальгином не обойдешься!

– Слушай, тавалиса! Отпусти нас – тысячу долларов дам. А потом приизжай к нам в Уссурийск на китайский рынок – цо хочис били. Тибе, егилу, силна нада!

Тут «мокрый» и обледенелый с ног и чуть ли не по пояс китаец сбил руками со штанов лед и приспустил их. Под ними оказались еще одни штаны необычного кроя и материала. Андрюша заулыбался, видимо, предвкушая скорый договорняк с егерем:

– Эта адезда нипламакаимая, всигда теплая и сухая – вазьмес скока нада!

Теперь стало понятно, почему «мокрый» не подавал признаков замерзающего. Егерь еще раз пальнул в воздух – и китайцы испуганно двинулись к строениям. Андрюша лишь крутнул большим пальцем у виска и чуть ли не про себя вымолвил: «Тоцьна, дурака! Тысяця долларов!...».

В доме-гостинке собрались егеря, взявшие под охрану браконьеров. Гена позвонил госинспектору. Вскоре он появился с представителями ФСБ и полиции. Китайцев увезли в Уссурийск. Как потом стало известно, Андрюшу, у которого был паспорт гражданина Китая и вид на предпринимательскую деятельность в России, незамедлительно передали китайским пограничникам. А «мокрый» оказался без паспорта – его оставили до выяснения личности и соответствующих согласований с сопредельной стороной.

Подарок Небес

К 85-летию Евгения Дмитриевича ЛЕБКОВА

**Александра
ПОЗДНЯКОВА**

Александра Антоновна родилась на Брянщине в 1935 году. Окончила Воронежский государственный университет и Хабаровскую Высшую партийную школу. Работала журналистом и редактором газет в Спасске-Дальнем и Партизанске. Руководила литературным объединением «Родник» (г. Партизанск). Автор поэтических сборников «Грани», «На новом пороге», «Не поле перейти». Печаталась в газетах «Вести», «Утро России», «Арсеньевские вести», «Авангард» и других, в коллективных сборниках «Родника», альманахах «Сихотэ-Олимп», «Степной ветер», «Воскресение», «Артемиды», в журналах «Литературный меридиан», «Русский писатель». Заслуженный работник культуры РСФСР, почетный гражданин Партизанска, член Российского межрегионального союза писателей.

Когда встречаешь неординарного, обаятельного, талантливого человека – это всегда радость, когда общаешься с ним многие годы и связан общим интересным делом – это счастье. Такое счастье и подарил мне и моим товарищам по литературному «Роднику» Евгений Дмитриевич Лебков, лесовод и профессиональный писатель, приехав в 1987 году с Сахалина в Углекаменск под Партизанском. Настоящий писатель в глубинке – действительно, подарок Небес! К тому времени он издал на Дальнем Востоке и в Москве четырнадцать книг стихов и прозы. Четырнадцатая – «Нежданно-негаданно» – как раз в 1987 году и вышла в столице. В ней есть и повесть – «Пятьсот-веселый», о том, как молодые парни в 1951 году ехали с Запада на Восток страны – осваивать богатый, интересный и неведомый им край. В их числе был и Женька Лебков, двадцатитрехлетний выпускник Брянского лесотехнического института.

Тридцать с лишним лет островной жизни (Сахалин, Курилы) не прошли для лесовода Евгения Лебкова даром – он обихаживал леса, насадил там более десяти тысяч гектаров новых для островных территорий сосновых, преодолев немало чиновничьих препонов: считалось, что сосна на Сахалине никогда не приживется. Но эксперимент оказался удачным.

*...Моя душа – ларец лесной молвы.
И я тайгой живого Сахалина
Рекомендован с ног до головы.
Да, было все: прорухи, неполадки.
Но не нужна иная мне стезя.
И за меня сосновые посадки
Стоят стеной, как верные друзья.*

Пожалел ли когда-нибудь Евгений Лебков о принятом в молодости решении – поехать осваивать Сахалин? Пожалуй, нет.

*Мне чья-то хитрая судьбина
Давала Брянск, а я не взял.
А я сказал: «Без Сахалина
Есть я не я» – так и сказал.*

Романтик, он очень любил свою профессию, которая в сочетании с литературным талантом дала прекрасные плоды: в 1967 году Евгений Дмитриевич уже член Союза писателей, а в 1968-м – заслуженный лесовод РСФСР. «Я Сахалину сосны дал, материку – друзей». С 1987 года он стал и нашим другом и наставником. Сколько интересного вносил Евгений Дмитриевич в заседания «Родника», читая свои стихи, с жаром обсуждая наши «перлы»! Он переписывался со многими известными писателями страны, вводил нас в курс российских литературных новостей. Оживились его подборками и рассказами и литературные страницы местного «Ленинца». Снобом, кстати сказать, Евгений Дмитриевич не был, писательским членством никогда не кичился, и прекрасно соседствовал на литстраницах и со школьником Алешей Радченко, которого опекал и обучал азам творчества, и с музыкальным работником Кларой Головкиной, и с грузчиком универмага Василием Зайцевым, и с шахтером Юрием

Стешиным, и со многими еще. Открытый, доброжелательный, искренний, общительный, живой и энергичный, располагающий к себе человек. В общем, русский по натуре. Да и от всего его облика веяло чем-то удивительно русским. Невысок, но внушительного вида, седобородый и синеглазый, напоминал он доброго лесного со сказочных рисунков..

Литобъединению очень обрадовался и оценил: «Родник» – нужное дело. На Руси всегда собирались по интересам любители изящной словесности, и к ним, как к магниту, тянулась молодежь. Литературные объединения, тем более в глубинке, нужны. А вокруг чего объединяться, как не вокруг газеты? Литературное творчество – это воспитание души, красоты, чувств, вкуса. Воспитательно-просветительская работа, особенно в наше время, когда вокруг столько неустойчивости, дразг, когда культура в загоне, неопценима. И любое издание без привлечения местных творческих сил и бедно, и бледно». Невольно вспоминаются его строки: *Не читают стихов. Огрубели сердца, / Потребленка диктует законы.* Ситуация, которую, безусловно, трудно переломить, но капля и камень точит...

И стало у «Родника» два «литературных штаба»: один – в редакции во главе со мной, редактором, второй – у Евгения Дмитриевича, в поселке Углекаменск. Для «родниковцев» всегда были открыты не только двери его дома, но и его душа, и талант. Каждый новый автор вызывал у него живой и неподдельный интерес. Помню, раздался телефонный звонок: «А кто такая Лидия Калушевич? Хорошие стихи сегодня в подборке. Божья искра есть. Надо бы встретиться». Это был 1993 год. Встреча оказалась судьбоносной: в 1998 году Лидия Александровна издала свою первую книгу «Как хрупок этот мир», а в 2000-м была принята с рекомендацией Евгения Дмитриевича в Союз российских писателей. Да и не одна она получила такое его благословение. Постепенно расширялся круг нашего литературного общения. Евгений Дмитриевич познакомил нас, например, с Сергеем Лабутиным из Керчи, Александром Егоровым из Владивостока, спасчанкой Еленой Александренко, находкинцами Павлом Шепчуговым, Михаилом Гутманом, Станиславом Кабелевым, Валерием Зюзюлевым и другими интересными авторами. В Находке мы не однажды бывали на творческих встречах и вечерах.

Евгений Дмитриевич был для нас и литературным арбитром. Помню, пришел ко мне Анатолий Кухаренко, очень расстроенный. «Был в редакции с рассказом «Без царя в голове», получил от ворот поворот. Редактор сказал: вот, мол, нашелся классик, новоиспеченный Лев Толстой!» (В то время я уже на пенсию оформилась, опекала маленькую внучку, но лито не оставила, и собирались «родниковцы» у меня на квартире, пока нас не приютил городской музей). Смотрим рассказ. «Чего он хочет?» – спрашиваю. «Да я так и не понял толком». Как редактор, я всегда стремилась придерживаться правила Константина Паустовского: «Если можно не править, не правь», – чтобы авторы не оказались «на одно лицо». Придраться в рассказе, на мой взгляд, было не к чему. «Знаешь,

Слева направо: Павел Шепчугов, Евгений Лебков, Всеволод Рогозин. пос. Углекаменск, 2001 год.

Анатолий, поезжай к Евгению Дмитриевичу. Пусть рассудит». Тот посоветовал послать рассказ в «Литературную Россию» таким, как есть. И представьте – напечатали, без единой поправки! В подобной ситуации оказывался и Николай Вуколов, рассказы которого местная газета также забраковала, но приняли и издали «Дальний Восток» («Медаль Степана») и московский журнал «Свет – Природа и человек» («Гнев березы»).

В 2000 году «Литературная Россия» объявила конкурс в честь 55-летия Великой Победы. Анатолий Кухаренко и Борис Дубровский участвовали в нем и удостоились быть напечатанными в сборнике лучших произведений этого конкурса. В газете «Русь православная» появились стихи Лидии Калушевич, рассказы Полины Котенок – в журнале «Свет – Природа и человек», Василия Зайцева – в журнале «Мир Севера». Так Евгений Дмитриевич ориентировал нас в большом издательском мире и потихоньку «продвигал». А в 2003 году стихи и рассказы «родниковцев» были напечатаны в альманахе «Сихотэ-Олимп» (Евгений Дмитриевич был одним из инициаторов его создания, ныне это «Сихотэ-Алинь» под редакцией Владимира Тыцких, по сути, общероссийское издание). В предисловии он написал: «Здесь ничего нет написанного ломом». И вспоминается та ревизия, которую учинил нашему литературному багажу неутомимый Лебков, правки и выверки каждой строки, каждого слова, споры и даже слезы (он был беспощаден!): ведь еще предстоял суд редколлегии того первого, по сути уникального теперь, номера нового альманаха! И это было неповторимо!

«Ничего не писать ломом» – этому правилу Евгений Дмитриевич был верен всю жизнь. В канун его 85-летия пришлось глубже окунуться в море его творчества и убедиться, что над многими произведениями (особенно над стихами) он работал годами, осовременивая их и совершенствуя.

Участники Лебковских чтений 2012 года.

*Авторучка. Лист бумаги.
Стол. Синёный абажур.
Все, что нужно работаге,
Чтоб навесть в стихах ажур.
Здесь вот рифму посмелее,
Поплотнее отыскать,
Тут цепями Гименея
Сладкозвучно побряцать.
Там – убрать строфу пустую,
В этом – строчку заменить,
Мысль отбросить холостую,
Мысль-ура – остепенить.
Глядь – и утро наступило,
И стихи теперь – верняк!..
Здравствуй, истинное диво –
Огнедышащий Кругляк!*

Стихи его и вправду «дышат» – и чувствами, и мыслями. Длинно он писать не любил. Но стихи даже в четыре строки всегда глубоки и точны по смыслу, воспринимаются как афоризмы, как сгусток мудрости, западают в душу и память.

*Я – русский, но не этим я горжусь.
Горжусь своей причастностью к эпохе,*

*Которая опять выносит Русь
На боговдохновенные дороги.*

Или вот это:

*«А если надо – то убей» –
Вот лозунг лжесвободы.
Неужто нет совсем людей,
А есть лишь ветвь природы?*

Цитировать можно бесконечно: такие бриллиантики по всей поэзии Лебкова рассыпаны, как щедрой рукой волшебника. Он был великим мастером и на экспромты, чем мог и неожиданно порадовать, и зацепить за живое. Вот пример:

*Живем – как можем, можем – как живем.
Других – итожим, а сами – врём.
Уходят силы, гниют слова.
Молчат Курилы, гудёт Москва.
Никто не знает: куда и как?
Добро – зияет, сияет – мрак.
Печаль и радость – не первый год.
Вот так-то, братец, – родной народ!*

Бережно относясь к великому и могучему, он этого требовал и от нас. И высшей похвалой

писателя-наставника молодому литератору было: «У него абсолютное чувство языка» или: «Вы тонко чувствуете Слово». О языке и стиле Евгения Дмитриевича можно написать целое исследование. И есть попытки. Например, статья доктора филологических наук из Брянска Юрия Иванова – «Как сложить пословицу» (альманах «Сихотэ-Олимп», 2003 год) и статья кандидата филологических наук Валентины Катеринич из Хабаровска – «Дальневосточный русский с брянским акцентом» («Сихотэ-Алинь», 2005 год). К сожалению, у приморских ученых-литературоведов до творчества Евгения Лебкова, мягко говоря, руки не дошли, если не предположить иное.

Назвав творчество Евгения Лебкова оригинальным, Валентина Катеринич говорит: *«Это сплав народной речи крестьян Брянской губернии с русским литературным языком плюс жизненные реалии Дальней России»*. Действительно, почти в каждом стихотворении Евгения Дмитриевича можно встретить два-три особенных слова, присущих брянской народной речи (просторечия, диалектизмы), а то и вовсе им придуманные (неологизмы), но как они уместны, как естественно вплетаются в тексты! Необычность словаря Лебкова как поэта и прозаика отмечал и Юрий Иванов, хотя иногда и критиковал за излишнюю, на его взгляд, надуманность и даже корявость. А как пересыпана пословицами и поговорками проза писателя! И спасибо ему, что он возвращает нас к живой русской речи!

Своим критикам Евгений Дмитриевич отвечал: *«Если я и употребляю "неологизмы", то все они в стиле "великого и могучего", и употребляю их не потому, что хочу козырнуть, а потому что я оттудова, откудова пошла вся русская живая речь, откуда вышли все великие письменники – русские да и хохлы (Гоголь)...»* Не могу удержаться от примеров. Где, как не у Лебкова, вы найдете *«И Брянщину беда очернобылила»*, *«Да, мы, сучанцы, не спешим овладивосточиться»*, *«Планета чертями брюхата»*, *«И брякнушь в горячий песок»*, *«подростки-недовески, вьет-дырявит, цветочечка, зубоскалинки, непредвидно, лицо чугунелое и т.д. И птички у него пинькают и цвиркают, и осень – золотиашка, а квартира – так просто выдолб-вытес... А я, его землячка, – сучанка-брянка. Все в точку, по уму и образно»*.

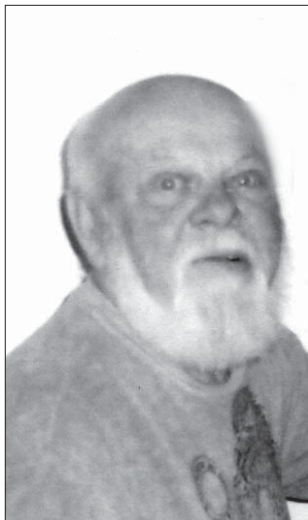
Несколько слов о лебковской прозе. *«Каких только историй, картин и картинок не подкидывает нам жизнь! ...Да разве может конкурировать то, что выдуманно, с тем, что было, есть и будет!»* – считал писатель. А потому его рассказы и эссе, не говоря уже о публицистических заметках, – это сама жизнь. Читаешь и думаешь: вот как из простого, незатейливого факта он мог сотворить художественную вещь? Как за малым мог увидеть большое, масштабное? Наверное, это и есть мера таланта писателя – подняться от обыденной жизни, от описания и констатации факта до обобщения. Нет, не каждому дано!

В последние годы, особенно в Приморье, Евгений Дмитриевич к прозе обращался часто. Не имея материальной возможности издавать книги (в течение

четырнадцати лет!), он продолжал писать, печатался в периодических изданиях. Таких публикаций у него набирается почти четыре сотни. Но с помощью друзей ему все же удалось выпустить в свет еще три книги – «А что же мне делать в России» (2001 год, стихи), «Несуета» (2002 год, рассказы и эссе) и «Откровения отшельника» (2004 год, стихи и проза). С их страниц смотрит и говорит с нами все тот же по яркости и глубине таланта, широте души, жизнелюбию и искренности Евгений Лебков, но и другой одновременно. И возраст, и переезд на новое место, и иная эпоха на дворе (перестройка!) не могли не сказаться на творчестве. Как и миллионы россиян, он надеялся на лучшие перемены в России, но и как миллионы, в результатах перестройки разочаровался. «Рыночную» экономику и «рыночную» идеологию рвачества и потребительства он, истинно русский интеллигент, не принял. В последние годы жизни многое переоценил и переосмыслил. Это был жесткий самосуд и поиски новых нравственных ориентиров, шла большая работа ума и души. Все есть в его произведениях последних приморских лет: и боль, и радость, и печаль, и разочарование, и обращение к Богу, но нет одного – безнадёги. Есть большая сыновья любовь к России, вера в ее возрождение и лучшие дни. Знать, затем и забрался Евгений Лебков в глубинку, которую всегда считал началом начал, источником культуры и нравственности, *«чтобы увидеть все не издалека»*. В произведениях писателя – сама жизнь, описанная эмоционально, живым, образным, истинно русским языком. И ответы на вопросы, которые он так мучительно искал. *«Я из того поколения русских людей, которому выпало на роду: и счастье, и горе, и смех, и слезы, и разочарование во многом, но только не в России»*, – писал Евгений Дмитриевич о себе.

Годы брали свое, здоровье писателя сильно пошатнулось. Расстался с женой (уехал в Орел; думаю – отпустил, не хотел стать обузой, и это – мужской поступок). Друзья навещали его и поддерживали, как могли. В 2004 году, в декабре, по-моему, дней за десять до его поселения в доме-интернате, я в последний раз виделась с ним, навестив в городской больнице. Был он в здравом уме и при ясной памяти, расспрашивал о жизни, работе, творческих делах, даже шутил. Мне он показался по-прежнему сильным и несломленным. Таким и остался в памяти.

В Партизанске Евгения Дмитриевича, своего почетного гражданина, чтут, помнят, многое делают для сохранения и пропаганды его творческого наследия. Ждут своего часа стихи и проза, которых накопилось в писательском столе, как он сам отмечал, на пятьдесят печатных листов. Хранители этого архива (в Находке) не должны держать такое богатство втуне. Думается, писатель российского масштаба, каким был и остается Евгений Дмитриевич Лебков, еще откроется читателям своей новой, неизвестной стороной. И это была бы добрая о нем память – о писателе, учителе, наставнике и друге, которого всем нам так сегодня не хватает!

Евгений ЛЕБКОВ

УРТАЙ

Нет, это не просто снег. Черт знает, что это такое, но только не обычный снег. Сколько его везде! Весь Сахалин в снегу. А с неба все падает и падает, валит тяжелая белая пропасть. В распадах – доверху. Сопки сглажены. Тайга пригнулась. Тяжело ей от снежной напасти.

Такой год выдался. И не високосный, а самый заурядный, к началу апреля просветлело. А потом засуетилось солнце. Зашевелилась тайга. Рябчики – и те стали посвистывать.

Взял лыжи. Иду на Уртай. Не иду – ползу. Но на сердце легко. Уртай ты мой, Уртай. И зачем ты мне? Что там в твоих дебрях? Ничего особенного. Работа ведет меня на Уртай.

Не знаю, в каком веке, а случилась на Уртае беда. Загорелся каменный уголь. От молнии? От человека? Неизвестно. И вот тлеет под землей «черное золото». И ничего с этим не поделаешь. А чуть протаяла земля – огонь наружу. И в тайгу. И пошло-поехало. Тушить такой пожар – боже упаси. Сам сгоришь. Провалишься в преисподнюю. Главное, не знаешь, где ухнешь в пекло. Сверху зелено. Таежно. А под землей – черти с кочережками. Одно спасение: по весеннему снегу обследовать все огненные пробойны. Нанести их на карту. А стает снег – привести сюда рабочих и вежливо окопать. Окольцевать «очаги огня» земляным негоримым кольцом. Работы на месяц. А что делать? Плombировать бетонной пробкой бесполезно. Да и как сюда доставишь цемент? Где-то слышал я, заливают подземные жаровни жидкой землей. Пульпой. Затраты – миллионы. А огонь затаится, просидит годика два – и снова за свое. Хитер и коварен, бестия.

Устроить бы тут какую-нибудь электростанцию, что ли. Тоже мне, Манилов, чего захотел? Есть у тебя лыжи. Есть ружье. Бумага, компас, карандаш тоже есть. Вот и действуй.

И действую. Оступился на склоне сопки. И полетел в пойму речки. Благо, лыжи не сломал. И снег рыхлый. И солнышко доброе. Кое-как выбрался на эту сопку. Ору:

- Урта – а – ай! Выруча – ай!
- Ай-йяй-йяй, – хохочет Уртай.

Погрозил ему кулаком. И дальше. Шмыг да шмыг, шмыг да шмыг.

Ну вот и первая «ласточка». Парит проталина. И травка уж зазеленела вокруг, у снега. А там, где черно и жарко, взошла и пожухла трава. Поторопилась. На огонь дров не напасешься, не только что травы. Зарисовал очажок. И вперед. Прошлый год их было

девять. Это десятый. Новый. Эх ты, лесник! Плюнь на все, иди домой. Учил же тебя пожарный сторож Колька Максимов: горело и будет гореть.

– А тайга? Жалко ее.

– И тайги тут – век не свести, – опять да ладом Колька.

Наследственность, знать, у меня плохая. Вредная и для себя, и для людей. Рабочих на окопке «очагов» до изнеможения довожу. И себя не щажу. Моя жена – что Колька Максимов. Ни забот у нее, ни хлопот. Люблю я жену. И Кольку люблю. Хорошо с ними в компании. Хохот. Анекдоты. Я подозрительным стал. Уж не роман ли у Кольки с моей Любой? Но прогоняю ревность. Пережиток. Нашел и второй дымок. Прошлогодний. Он за окопку вылез, подлец. И его на карандаш.

И след медведя от очажка. Проснулся, остроглазый. К теплу приперся. Вот и лежаночка. Спиной к огоньку нежится. Нет худа без добра. Сейчас Мишку можно найти. И стрельнуть по нему. Пули есть. Да не до него. Устал. Перекусил. Покурил, понюхал угольного дымку. Откашлялся. И по увалам, по распадам. За день одиннадцать пожарчиков. Через месяц придем с лопатами да бензопилами. Повоюем. Домой добираться, как подумаешь, тридцать километров. «Кэмэ», как говорит мой сын. Станные у них нынче слова: «кэмэ», «кэгэ», «рэ», «па». Торопятся жить, вот и сокращают слова.

Колька Максимов ни в жизнь бы себе такого не позволил. Да и я не позволю. Насчет жены – сомневаюсь. Она модница. Все перенимает. Красоту свою, думаю, у Венеры Милосской переняла. В детстве, говорит, Венеру видела. Такая баба! А я Венеры не видел. У меня Уртай. Двадцать семь лет Уртай. Стоит старик... Не горит. Дымить – дымит. А гореть – не горит. А зазеленеет тайга, пойдут цветы – прощай, Уртай. Летом мне у тебя делать нечего. «Очажки» твои летом не страшны. Вынырнет огонь, а кругом сочно и сыро. И скиснет желтоязычный пес. В уголь уходит. Наверху ему «не климат».

Летом я сажаю лес. Питомники лесные пропаляваю. Дороги строю. Рыбачу. Ягоды собираю. Предлагает мне один чудаковенный ученый: «Давай накопаем шурфов. Завезем вертолетом взрывчатку. И рванем. И всем «очагам» – крышка».

Может, он и прав. А может, и нет. Огонь силен. Вдруг пронырнет в какую-нибудь земляную щелку? А денег сколько ухлопаем? Или другое может случиться. Взорвем. Горящие угольки – в тайгу. И запольхает. Что тогда?

Раздумываю я, раздумываю, раздумываю.

– Пей снотворное, – говорит жена. – Оно успокаивает. Думы снимает.

Откуда ей знать про снотворное. У самой сон – позавидовать. А я размышляю. Размышляю. И шепчу:

– Уртаюшка-батюшка, не подведи, не выдай. Подкрепи. Подмоги.

И совсем уж тихо:

– Урта-а-а-аюшка...

Испанские зарисовки

Сергей НАЗАРЕНКО

Сергей Егорович родился в 1947 году в Хабаровском крае. Работает врачом-терапевтом. Автор нескольких книг прозы, среди которых «Незабываемое», «Рассказы терапевта», «Профилакторий», «Рейза». Постоянный автор «Литературного меридиана». Живёт в г. Арсеньеве.

Город с необычным названием Куэнка произвёл неизгладимое впечатление – это восьмое чудо света занесено в списки ЮНЕСКО, как достояние человечества. Куэнка – город, разделённый надвое, новая половина расположена в нижней части, старая – приютилась на скалах.

Наш автобус совершил получасовой подъём по крутому серпантину, преодолев двенадцатикилометровое расстояние. Мы поднялись на самую высокую точку старого города. Отсюда открывался потрясающий вид на глубокое, извилистое ущелье, обрамлённое светло-коричневыми скалами, на вершине которых виднелись небольшие домики.

Строения не просто стояли на скалах, а выдвигались над пропастью и, казалось, вот-вот обрушатся вниз. В этом и была изюминка старинного городка Куэнка, насчитывающего на сегодняшний день 57 тысяч человек.

– Город представлял неприступную крепость, – рассказывала Анна, наш гид. – Неоднократно враги пытались его завоевать. Получилось только в двух случаях – в XII веке испанским королём Альфонсом и в XIX веке – Наполеоном.

– А кто-то живёт в этих домах на скалах? – спросил 50-летний юрист из Иваново, поправляя баночки из-под пива, стоящие батареей в сетке кресла.

– В основном, это гостиницы, – ответила Анна, – причём, не такие уж дешёвые, они пользуются повышенным спросом у туристов-экстремалов.

С видовой площадки наш автобус уехал вниз пустым, а мы пешком стали спускаться по короткому маршруту через старинные кварталы.

По пути мы много фотографировали, особенно дома, опасно прилипшие к скалам.

Утром следующего дня состоялась обзорная экскурсия по Мадриду. Анна взяла в руки микрофон:

– Господа, немного истории. Если отбросить многочисленные мифологические версии образования Мадрида, остаётся одна, наиболее достоверная – город был основан как арабское поселение, и его название происходит от слова «махерит», что по-арабски означает «полноводный источник». Это прямо указывает, насколько обильными были водные источники, питавшие город и его окрестности.

Археологические раскопки доказывают, что человек присутствовал на берегах реки Мансанарес уже более ста тысяч лет назад. Однако известие о Мадриде, как о городе, появилось значительно позже. Предположительно город основал Мохаммед I. Приблизительно в 852 году он возвёл на холме крепость примерно на том же месте, где сегодня находится королевский дворец. Вокруг укрепленного замкаросло мусульманское поселение.

После взятия города Толедо Альфонсом VI в 1085 году Мадрид занял прочное место в христианском мире. Столицей Испании Мадрид стал при короле Филиппе II, который в 1561 году издал указ о переводе королевского двора из Толедо в Мадрид.

Автобус подъехал к площади Испании. Перед нами предстала грандиозная композиция, посвящённая Сервантесу: рядом с мраморной скульптурой писателя расположились его герои – Дон Кихот и Санчо Панса на ослике.

– Господа, были проведены исследования на тему: «Кто на сегодняшний день самый великий писатель». Так вот, на первом месте оказался Сервантес, опередивший и Толстого, и Достоевского.

Мы обошли памятник со всех сторон, любуясь изяществом этого монументального творения.

– Друзья, – предложила гид, – вы можете загадать самое заветное желание и подержаться за хвост ослика. И ваша мечта обязательно сбудется.

Мы выстроились в очередь к ослику, хвост которого блестел от сотен тысяч, а может, и миллионов рук туристов. Интересно, скольких людей действительно осчастливил легендарный хвостик?!

Следующей остановкой была арена «Пласа Монумен- таль да лас Вентас», сооружённая по проекту Хосе Эспелиуса и Мануэля Мукьоса Монастерио.

Мы столпились вокруг Анны. Она рассказала, что, начиная со средних веков, самым популярным

развлечением Мадрида стали корриды. В XVII веке они проводились под любым предлогом на площади Майор. В 1754 году король Фердинанд VI даёт указания архитекторам построить круглую арену на 12 тысяч зрителей. В начале XX века эта площадь становится слишком тесной. Тогда и было принято решение построить современную арену. Эта площадь для боя быков стала самой крупной и главной в Испании, она рассчитана на 22 тысячи зрителей.

Начинающие тореадоры обязаны выступить на ней и тем самым выдержать своего рода экзамен перед требовательной и искушённой публикой.

Я отошёл в сторону, чтобы сделать несколько снимков главной арены, но в наушниках слышал всё, о чём говорила гид.

– Ежегодно на этой арене проводятся порядка семидесяти коррид. Сезон начинается в апреле, а во время празднеств, посвящённых святому Исидору, арена наполняется зрителями до отказа. Всего в эти дни проходит двадцать шесть коррид, из них три – бои молодых быков, а два боя – с закалыванием быка копьём. В воскресные и праздничные дни можно увидеть скачки быков. Сезон боя быков заканчивается Осенней ярмаркой, во время которой проходят четыре-пять коррид.

– Скажу вам, господа, откровенно, – продолжила Анна, – будет непростительной ошибкой, если вы, находясь в Мадриде несколько дней, не посетите корриду. Впечатления от неё у вас останутся на всю жизнь.

– Какова судьба раненых быков? – спросила у гидов одна из туристов.

– Участь печальна – их, как правило, убивают на арене. Если возникает ситуация, когда бык не погибает, выходит помощник тореадора и закалывает животное. Делается это так: на упавшего на колени быка сверху садится тореадор и длинным ножом ударяет между лопаток. Лезвие ножа достаёт сердце.

– А как убирают животных с арены? – поинтересовался любитель пива Вячеслав.

– Если бычок ещё живёт, а убить его не получается, выпускают специального быка с колокольчиком, который и уводит с арены раненого собрата. Мёртвых животных убирают волоком специальные повозки, запряжённые лошадьми.

После этих слов мы с женой решили не ходить на корриду.

– А ещё был такой случай, – не унималась гид. – В одном небольшом городке по улице толпа людей убегала от разъярённых быков. И вот одно из животных стало догонять тучного мужчину. Бедняга, чувствуя неминуемую гибель, заорал нечеловеческим голосом на всю округу и, сделав невероятный прыжок вверх, уцепился за балкон второго этажа. Этим он спас себе жизнь. Вскоре этот мужчина исчез из городка – уехал в другое место, чтобы не быть посмешищем. Он был настоящим испанцем и приверженцем этой смертельной игры с быками.

Наша группа села в автобус. Проехав несколько кварталов, остановились у величественного памятника Хри-стофору Колумбу...

Фото автора.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
 2. Отдельные произведения набираются на компьютере или печатаются на печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: полное имя автора (без отчества), его фамилия и наименование населённого пункта, в котором автор проживает (в произведениях, присланных в электронном виде, авторские данные указываются **один** раз). Отдельным документом прилагается биографическая справка.
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**).
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также рукописные работы, ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД (осуществляется круглый год)

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора
Кóстылева Владимира Александровича по адресу для корреспонденции:

692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан».

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Дополнительные затраты подписавшийся **не несёт**.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: В.А. Костылев

Объём издания – 10 печатных листов.

Тираж 500 экз. (включая электронную версию)

Цена свободная.

Номер подписан в печать по графику и фактически 17 июля 2013 г. в 17-00.

Адрес издателя и редакции:

г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.

Отпечатано в ЗАО «Полицентр»:

г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.

Дата выхода номера в свет – 29 июля.

16+

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.

Тел. (+7) **914-666-1-999** (МТС); (+7) **924-336-21-27** (Мегафон) (с 01.00 до 15.00 по Москве)

E-mail: **Lm-red@mail.ru** Наш сайт: **www.Litmeridian.ru**

Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями России и Зарубежья: «Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Провинция» (г. Петропавловск, Казахстан), интернет-журналом «Молоко», интернет-порталом писателя Николая БЕРЕЗОВСКОГО (www.Litberez.narod.ru).

Ответ на вопрос, почему я выписываю «Литературный меридиан», очень прост. Потому что я в детстве зачитывался книгами Владимира Арсеньева, а в городе у реки Арсеньевка, где издаётся «ЛМ», чтят память этого замечательного писателя (есть и музей, и памятник Владимиру Клавдиевичу и его другу Дерсу Узала), а значит, и журнал просто не может быть плохим. Да и Приморье мне не чужой край – родился и вплоть до 1958 года жил на Сахалине.
Николай БЕРЕЗОВСКИЙ, г. Омск.

